

69 = AD
+/- 1 НОС

КНЯЗЬ
ПРОЦЕНТ

18+

*"Это лучший секс
в Вашей жизни!"*

Князь Процент

69 +/- 1 = Ad hoc

«Издательские решения»

Князь Процент

69 +/- 1 = Ad hoc / Князь Процент — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-937497-4

Откровеннее Буковски, смешнее Довлатова, жестче Эллиса — таков роман «69 +/- 1 = Ad hoc». Его герой носит непривычное имя: Акемгоним Горгоной. Лучше всего он умеет доставлять женщинам удовольствие и попадать в смешные переделки. Кажется, развеселить и соблазнить как можно больше красоток это и есть его цель. Но так ли Акемгоним прост? Что он ищет? Найдет ли? Ведь чем дальше вглубь романа, тем больше прямо-таки булгаковской чертовщины происходит вокруг героя... Публикуется в авторской редакции.

ISBN 978-5-44-937497-4

© Князь Процент
© Издательские решения

Содержание

31 декабря	6
1 января	10
Всё еще 1 января	13
4 января	17
5 января	21
Всё еще 5 января	24
8 января	28
19 января	32
24 января	36
25 января	41
26 января	45
29 января	49
3 февраля	53
7 февраля	57
9 февраля	61
14 февраля	64
Всё еще 14 февраля	69
Конец ознакомительного фрагмента.	70

69 +/- 1 = Ad hoc

Князь Процент

Дизайнер обложки Тая Королькова

© Князь Процент, 2018

© Тая Королькова, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4493-7497-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Данный роман содержит сцены сексуального характера и сцены насилия. Его содержание может оказаться неприемлемым или шокировать некоторых читателей. Роман не предназначен для лиц младше 18 лет.

Все персонажи, имена и события, описанные в данном романе, вымышлены; любые совпадения с реальными людьми, именами и событиями случайны и не входили в замысел автора.

Адвокат этот был не лишен таланта.

Стендаль «Аббатиса из Кастро»

Не бывает, чтобы все были Василями, да еще Васильевичами.

В. Б. Ливанов «Путь из детства.

Эхо одного тире»

31 декабря

– Женщины с большой грудью обожают носить мини-юбки, – произнес Акемгоним.

Он резал помидоры на убогой кухне съемной малометражки Бориса. Любовница Бориса Катерина и ее подруга Галя жрали шампанское за стенкой, откуда раздавалась воспроизводимая ноутбуком дрянная акустическая музыка.

– И в чём тут логика? – спросил Борис.

– Речь о больших сиськах, тут нет логики. А смысл такой: мы боимся признать, что нас ценят за одно-два качества. И пытаемся убедить всех, что обладаем другими, не менее замечательными. Чаще всего мы делаем это неосознанно.

Посмотри на Галю. Вот она нацепила это безвкусное закрытое грязно-белое платье. Это прямо-таки футляр. Под ним мы угадываем грудь третьего размера. Согласись, Галя порадовала бы нас, явившись в чём-нибудь декольтированном. А что она сделала взамен? Решила убедить присутствующих в красоте своих ног. Хотя ноги толстые и кривые. Как почти у всех обладательниц хороших сисек.

– А за какие качества ценят меня? – спросил Борис, отпив дешевого рома из горлышка.

Акемгоним и Борис подружились студентами. Отец последнего был еврей, мать – украинка. Евреи считали Борю русским. Русские, услышав фамилию Бори, делали вывод, что он еврей. По-украински он знал три слова, все – матерные. Борис дважды не сдал адвокатский экзамен и работал заштатным юрисконсультантом. У него было десять часов стоимостью в пару тысяч рублей. В санузле жилища Бори отсутствовали шторка и зеркало.

– У тебя хорошее чувство юмора – правда, насквозь вторичное. Все твои шутки будто из «Симпсонов». И ты готов помочь друзьям. А я, например, хорошо трахаюсь и много зарабатываю. За это меня и ценят. Поэтому я не декламирую Тютчева, убеждая окружающих, что рассветы восхитительны. Рассветы-то восхитительны, да мне уже не поверят.

– Значит, Галя тебе не понравилась?

Шутливо пожав маленькую руку Гали, Акемгоним смекнул, что иные комплектующие организма женщины тем вечером ему не достанутся. Рукопожатие было ускользающим, завлекательно-неприветливым. Когда подобная женщина раздвигала ляжки без ужина/театра/выставки, ее извилина сигнализировала, что она шлюха, нарушившая мамин завет.

Вдобавок мамы завещали таким бабам, что педикюр это для жен олигархов.

– Ничего так, – сказал Акемгоним. – Симпатичная.

Обстановка дома к сексу также не располагала.

– Может, закрутишь с ней? Она сейчас одна. И ты один.

– Она старая дева.

Акемгоним стал заправлять оливье майонезом. Сам он майонез не употреблял и презирал другие кулинарные взгляды.

– То есть?

– Ей ведь уже исполнилось двадцать шесть?

– Ей двадцать семь.

Акемгоним достал из груды вымытой посуды ложку с застывшим жиром.

– Ей двадцать семь, и она не замужем. Вероятно, и не была замужем. Поэтому она старая дева.

– Ну и что?

– Из старых дев затхло пахнет. Я ужасаюсь, когда вижу самодельный женский маникюр. Думаю, половой орган у Гали, как и ногти, выпилен лобзиком. И меня бесят пьющие женщины.

– Сейчас Новый год, и она пьет всего лишь шампанское!

– Я Акемгоним Горгоной, и мне плевать.

– Ты слишком категорично судишь. Это потому, что ты сам не пьешь.

– Еще она стопудово из баб, что неправильно произносят мою фамилию. Такие не могут запомнить, что последний слог ударный. Лучше сам ее нагни.

– Я слишком люблю Катю, – понизив голос, сказал Борис. – Я не могу ей изменить.

– Это пройдет. Ты живешь с ней всего месяц.

– Какая разница, сколько я с ней живу? Она меня устраивает, и это не изменится.

Борис не встречался с женщинами дольше полутора месяцев: те убегали. За тринадцать лет Акемгоним не видел его дважды с одной бабой. Боря хотел жену, детей и страдал. Он не ведал, что легчайший путь заставить женщину хотеть твою фамилию это продемонстрировать благосостояние и равнодушие к семейным ценностям.

– Ты очень цинично судишь о женщинах, это неправильно, – сказал Борис.

Акемгоним осмотрел нищенскую кухню в поисках терки для сыра. Хозяин конуры оказался бессилён помочь, и Горгоной решил направиться домой.

– Помнишь, я рассказывал об Инне? – спросил он. – Это однокурсница моих клуш.

– Ты еще жалел, что не успел с ней переспать, потому что был занят двумя другими?

– Ага, у нее хорошая такая задница и грудь второго размера.

Лицо Бориса приняло мечтательное выражение. Боря любил поговорить о недоступных ему красивых женщинах.

– Я смотрел ее фотки в «Контакте», – сказал он. – По-моему, она красивее той, с которой ты встречался... Женья ее звали?

– Вика. С Женей я гулял от Вики.

– И Жени она красивее.

– У Жени сиськи круче: целый четвертый размер, а в месячные – пятый.

– Лет в тридцать четвертый размер...

– Когда Жене будет тридцать, я ее не вспомню.

Горгоной не желал слушать домыслы о цинизме и прочих феноменах, чуждых Борису вследствие альтернативности умственного развития. Он сказал:

– Так вот, про Инну. Это расточительно: оставлять в старом году нереализованные планы. Дай-ка я звякну ей, авось в честь Нового года она пренебрежет условностями.

– Ты думаешь, она вот так возьмет и согласится переспать с тобой?

– Сегодня же Новый год. Да и я парень хоть куда.

Инна взяла трубку с шестого гудка. Ее голос звучал на фоне идиотического хохота молодежи.

– Инна, добрый вечер! – сказал Акемгоним. – Это Акемгоним Горгоной.

– З-здравствуйте, Акемгоним Валентинович.

– Вам удобно говорить?

– Да... Да, удобно.

Хохот и другие звуки стали приглушенными.

– Инна, приглашаю вас отметить Новый год у меня дома. Только мы двое: вы и я. Будем пить шампанское, и я расскажу вам море стихов.

Горгоной подмигнул напряженно слушавшему Борису.

– Акемгоним Валентинович, дело в том, что я...

– Отлично, записывайте.

Горгоной назвал адрес и сказал:

– Я вас очень жду, приезжайте.

– Дело в шляпе, – сказал он Борису.

– Так ты не останешься?

– Салат вам дорежу, чокнемся, и пойду.

Борис решил заглянуть к старым девам; Акемгоним принялся читать новости в Интернете. Его внимание привлекла фраза «Участники „Гниющей базилики“ сожжены заживо».

Кликнув заголовок, Горгоной прочитал:

«Жуткое преступление совершено в ночь на 31 декабря в Подмоскowie. Участники группы «Гниющая базилика» Максим Грищук, Данила Ногович и Ада Мун были сожжены заживо в лесу около подмосковного города Железнодорожный.»

Как стало известно ранее, музыканты были отбиты при конвоировании после утверждения обвинительного приговора Московским городским судом. Нападение было совершено группой неизвестных. Злоумышленники значительно превосходили сотрудников конвоя по численности. При столкновении пострадали двое конвоиров. Состояние одного из них оценивается как тяжелое.

В столице и Подмоскowie был объявлен план «Сирена», однако злоумышленники успели вывезти членов «Базилики» за МКАД. Работающие с телами погибших медики сделали предварительный вывод о том, что музыканты были сожжены заживо.

Участники малоизвестной рэп-группы «Гниющая базилика» прославились в ноябре 2012 года, выступив в обнаженном виде с антирелигиозным гимном в московском католическом соборе Непорочного Зачатия Пресвятой Девы Марии. В отношении них был возбужден ряд уголовных дел, одно из которых завершилось приговором к отбыванию наказания в колонии».

Акемгоним заранее утомился от мнения Бориса и не стал делиться прочитанным, когда тот вернулся.

– Как она согласилась так быстро? – спросил Борис.

– Она давно меня знает. Мы часто переглядывались на лекциях. Кабы я не трахал двух ее однокурсниц, мы бы уже перепихнулись.

– Неужели тебя не мучила совесть?

– Ты о чём?

– Когда ты спал одновременно с Викой и Женей.

– Мы обсуждали это еще тогда.

– Я бы не смог изменить Кате. Ты всё-таки невероятно везучий. Женщины танцуют вокруг тебя, как у шеста.

– Да, бабы предпочитают успешных мужиков.

– погоди, ты еще встретишь ту, которую полюбишь. Она скрутит тебя в бараний рог.

– Эта фраза возглавляет топ-лист прощальных слов моих баб. Со мной у них всегда цветы, трах, рестораны и кино. Поэтому им ужасно жаль расставаться. Напоследок они в благодарность пророчат мне что-то хорошее. Обычно эту самую фантазмагорическую бабицу, которая надерет мне задницу.

Акемгоним захотел в одиночестве посмотреть фильм с Кларком Гейблом. «Странный груз» подходил идеально; «Рекламисты», «Неприкаянные», «Могамбо» тоже котировались.

– Кроме того, дорогой мой, этот зловещий сценарий имеет шанс воплотиться, лишь если я полюблю. А насчет вероятности этого хорошо сказал Мишель Уэльбек. Это такой писатель. Мол, любовь это сосредоточение на одном человеке. Она невозможна, если ты много лет сношаешь всё, что движется. Боюсь, я вне зоны риска.

– Но признай, что изменять своей девушке это плохо.

Борис застыл посреди кухни. Вопреки гендерной принадлежности, он не умел одновременно разговаривать и делать что-либо.

– Да чего уж хорошего? Беспреданная путаница в именах. Многочисленные дуры воспринимают пятничный трах как начало чего-то светлого и большого. То есть роскошного и выгодного. Опять-таки, лишние расходы; наконец, можно подцепить что-нибудь... А, ты про моральную сторону? Тут лучший рецепт выработал герой Набокова. Этот чувак ходил от жены

налево и поначалу мучился. Ну, с этической точки зрения. С течением времени мужик догадался, что оподлиться нужно абсолютно. Вести себя подобно мрази легче, когда ты ею являешься. Всё, новогодний ужин готов. Я домой.

– Ты даже с девушками не попрощаешься?

– Скажи им, что мне пора, ждет кот.

1 января

Было тепло, вспыхивали шутихи, чернь гуляла. Не застегивая пальто Albione, убрав руки в карманы джинсов Hugo Boss, Горгоной обходил сброд и лужи.

Москва дышала похотью, как Невский в любой час. Женщины в эту ночь особенно хотели распутничать. Женщины разукрашивались, мылись, завивались и брились. Они даже не путали, где что сделать. Однако большую их часть всё равно не трахали.

Студенток не трахали ровесники. Студентки не знали, что их ровесники это материал для будущего поколения женщин. Старых дев не хендожили любовники. Старые девы забыли, что халат только первый месяц отношений выглядел эротично. Жен не уестествляли мужья. Романтику убивали совместный быт и общие, если повезло, дети.

Почти все хотели этой ночью образовать с кем-нибудь четвероногого зверя. Почти все терпели фиаско. При оптимальном раскладе случался двурукий зверь в туалете.

– Молодой человек, вы не подскажете, который час? – спросила у Акемгонима женщина лет двадцати восьми. Она стояла на другом берегу здоровенной лужи. У нее были красивые темные волосы до лопаток. Мягкую черную куртку распирала грудь номер три или даже больше.

Горгоной перешел лужу, стараясь не зачерпнуть воду купленными утром ботинками Baldinini.

– К новогоднему застолью вы уже изрядно опоздали, – сказал Акемгоним. – В метро работаете? О, у вас более интригующая форма занятости? Давайте я помогу.

Женщина наморщила лобик, пытаясь размышлять о трех вещах сразу. Горгоной с трудом поднял ее, ровно держа осанку. Женщина взвизгнула, пьяно рассмеялась и обхватила его за шею. Зубы у нее были кривые.

– Хотите, я позову вашего мужа на дуэль? – спросил Акемгоним. – Почему он не встречает красавицу-жену?

– Мы развелись, – сказала женщина, противно дыхнув мятной конфетой и алкоголем. – Вы уже можете меня...

– Тогда пойдем ко мне. Мой дом вон там.

Горгоной снова перенес разведенку через лужу.

– У меня ребенок дома, – рассмеявшись, сказала женщина, и один ее глаз послал второй на три буквы. Ее тело податливо лежало на руках Акемгонима.

Она явно была из породы городских мамочек-шлюх. Такие вечно бегали за крепким мужским плечом: сексом и деньгами.

– Тогда идем к вам, ему же скучно.

С третьего раза Горгоной зачерпнул воду правым ботинком.

– Он, наверное, уже спит, – сказала женщина.

Морщины у ее губ свидетельствовали о высоких рисках кардиологических проблем. Шанс на слабость ее передка был и того выше.

Акемгоним вновь пересек лужу.

– Вы уже можете меня отпустить, я не такая пьяная, – сказала женщина, рыгнув и хихикнув.

– Как вас зовут?

– Вы меня не отпустите?

– Я обычно знакомлюсь, когда женщина в подвешенном состоянии. Говорят, это помогает.

– Алла.

– Акемгоним.

Горгоной поставил вновь рыгнувшую мамочку на асфальт.

– Какое... редкое имя. А сокращенно?

– Навуходносор. Лучше без сокращений.

– У тебя есть дети? – спросила Алла, когда Горгоной открывал дверь подъезда.

– Известных мне нет.

Акемгоним зашел в лифт и сделал приглашающий жест.

– Вообще-то женщин пропускают вперед, – сказала Алла, надувшись и зайдя в лифт.

Горгоной поцеловал ее вонючий рот. Женщина сосала его губы, пока Акемгоним тыкал ключом в дверь общего холла. Горгоной протащил мамочку несколько шагов и отпер дверь квартиры.

На шум вышел Дункан, питомец Акемгонима.

– Привет, кот, – сказала Алла.

Мокро целуясь, Горгоной и женщина кое-как разулись, прошли в спальню. Куртка и застиранная блузка Аллы скрывали обтянутую прозрачным лифчиком грудь третьего размера.

От лифчика Алла предпочла избавиться сама. Это был опрометчивый поступок. Степень птоза ее груди близилась к уродству. Горгоной укрепился духом и опрокинул женщину на спину. Ее груди по бокам стекли на одеяло. Акемгоним начал брезгливо ласкать языком крупные ореолы сосков, изувеченных грудным вскармливанием.

Под брюками Аллы не оказалось трусиков.

– Мы в офисе праздновали, – сказала она и дернула плечом.

Акемгоним встал с кровати.

– Ты куда? – спросила женщина.

– В McDonald's, там скоро завтраки начнутся.

Горгоной взял с книжной полки упаковку Durex.

Алла была посредственной любовницей. Когда член Горгоноя зашел, ее активность поравнялась с эквивалентом трупа, обмотанного цепью и в узком ларце брошенного на морское дно. К счастью, этот образчик флоры хотя бы мгновенно взмок.

Заскучав, Акемгоним принялся упражняться с квадратами числа «два».

На числе «524 288» Горгоной вышел из растерянно заморгавшей Аллы. Акемгоним развернул женщину и уткнулся носом ей в спину.

– Ой, – сказала Алла, когда Горгоной засунул в нее палец.

Пошарив внутри женщины, Акемгоним нащупал клитор. Свободной рукой он принялся ласкать увядшие груди Аллы.

К досаде Горгоноя, женщине была труднодоступна максима, что при невагинальной активности легче получить оргазм, растворившись в собственном удовольствии. Алла рьяно тянулась к члену Горгоноя, он уклонялся. Краем глаза Акемгоним наблюдал эту возню: ее отражало большое зеркало.

Вскоре Горгоной понял, что женщина тоже наблюдала за отражением, да еще и с явным удовольствием. Наверное, Аллу заводило, что ее обрюзгшее тело пользовал дорогостоящий мужчина равных с женщиной лет и в гораздо более хорошей форме.

– Господи! – сказала Алла, кончив. – Где ты этому научился? Я в первый раз кончила не от секса.

Чаще Акемгониму говорили: «Я в первый раз кончила от секса». Горгоной догадывался, что в большинстве случаев его обманывали насчет первого раза.

– А кое-кто не хочет тоже кончить?

– Спасибо, красавица, вряд ли получится. Я тоже в офисе праздновал. А потом у друзей. Будешь кофе?

Через полчаса они шли к дому Аллы. Быдла на улице стало меньше.

– Не хочешь взять у меня номер телефона? – спросила женщина. Как всякая разведенная мамаша, она хотела сразу повесить на любовника жизненные заботы.

– Это твой подъезд? – спросил Горгоной. – Если соскучусь, буду знать, где тебя искать.

– Ты всем так говоришь?

Акемгоним наклонился и быстро поцеловал женщину в губы.

– Я не всех провожаю домой. Ну, тебе пора к ребенку. С Новым годом.

Горгоной достал из кармана Albione музыкальный плеер. Это была отличная штукавина с профессиональным звуком. Она стоила четыре тысячи долларов и размером напоминала «кассетник». Акемгоним включил песню «Joker and the Thief» группы «Wolfmother».

Неподалеку от дома Горгоной увидел женщину, рывшуюся в багажнике красного Peugeot. Ей было года двадцать четыре. Пальто женщины распахнулось. Декольтированное красное платье едва скрывало грудь четвертого размера. Женщина говорила в телефон:

– Да хрень полная, а не Новый год! Этот ее Кирилл такой козел...

Женщина отбросила назад завитые светлые волосы.

Акемгоним остановился рядом и выключил плеер. Сисястая посмотрела на Горгоноя; он дружелюбно улыбнулся.

Всё еще 1 января

– Да ты бы видела, какое на мне сейчас платьишко, а этот Кирилл вообще на меня не реагирует... – говорила сиястая в четвертый iPhone.

Отобрав у белобрысой телефон, Горгоной сказал в него:

– Привет! Она вам перезвонит.

– В чём дело? – спросила женщина. Акемгоним твердо взял ее за холодную руку и повел к дому.

– Кто вы такой? Куда меня тащите? Я и закричать могу! – говорила белобрысая. Долго она не ломалась: Горгоной слишком прилично выглядел. Крики ей грозили только от удовольствия.

– Меня зовут Акемгоним. Мы идем пить кофе. Ты самая красивая девушка, что я встретил этой ночью. Да и за весь прошлый год тоже. Как тебя зовут?

– Яна.

– Очень редкое имя.

– Окунь... Как вас там...

– Акемгоним. Ударение на последний слог. Можно на «ты».

– Слушай... те, я на минуту спустилась в машину, у меня тут друзья...

– А толку от них? Кофе растворимый или молотый?

Акемгоним зашел в лифт и сделал приглашающий жест, глаза на бюст Яны. Та, хоть и пахла алкоголем, еще соображала.

– Молотый.

Дункан взглянул на женщину и мяукнул.

– Привет, кот, – сказала Яна.

Горгоной смолотил кофе и протянул ей чашку. Женщина разглядывала кухню.

– Молотый, – сказал Акемгоним.

– Ты живешь один?

– С котом, а ты?

– С родителями. Вот думаю сваливать от них.

– Давно пора.

– Это намек, что я такая старая?

Горгоной, наконец, рассмотрел зубы Яны: кривые и желтые.

– После восемнадцати нечего жить у родителей.

– Интересно ты рассуждаешь! И что же делать?

– Снять квартиру, например.

– В восемнадцать лет?

– А что такого?

– Знаешь, не у всех есть на это деньги!

– Если с деньгами худо, прилепись к богатому мужику.

– У тебя есть девушка?

– Обычно нет. Тебе нравится кофе?

– Вкусное.

Акемгоним усомнился в своей эрекции.

– Тебе не одиноко жить одному? Сколько у тебя комнат, три?

– Четыре. Я же с котом.

– А если с ним что-то случится?

– Заведу другого, не такого пушистого. Где ты живешь?

– Недалеко, в Печатниках. Зачем ты затащил меня к себе? Неужели думаешь, что у нас будет секс?

- Ты против?
  - Я тебя не знаю. И я не занимаюсь сексом на первом... В первый раз.
  - А танцами на первом... В первый раз занимаешься?
  - На кухне?
  - Пойдем. Правда, я отвратительный танцор. Ну да что уж теперь.
- Акемгоним привел женщину в гостиную. Он включил папку разной слезоточивой музыкальной ерунды. Яна прижалась к нему грудью.
- Кем ты работаешь? – спросила женщина, когда Горгоной обнял ее.
  - Я адвокат. Партнер в юридической фирме. А ты?
- Акемгоним и Яна начали медленно топтаться в обнимку.
- Что такое «партнер»? Я переводчик. Ты занимаешься уголовными делами?
  - Партнер это совладелец юридической фирмы. Один из собственников этого бизнеса.
- Уголовными делами занимаюсь редко. Какие языки ты знаешь?
- Английский и испанский. То есть ты топ-менеджер?
  - Испанский – редкость в Москве. Топ-менеджер в юридическом бизнесе это ступенькой ниже, чем я.
- Почему ты не женат?
  - Мне всего тридцать.
  - А потом не будет поздно?
  - Ты сама не замужем.
  - Ты мне ногу отдал!
  - В постели я лучше. Ты красивая. У тебя наверняка куча поклонников. Избирательно подходишь к выбору?
- Ну да... И потом, мужчины ведут себя... Ну, ведут себя так...
  - Будто хотят, чтобы женщины сами их трахнули?
- Яна засмеялась.
- Ты всегда так заиклен на сексе?
  - Жизнь заиклена на сексе. О чём еще говорить с красивой девушкой ночью? Не поэзию же Франца Кафки обсуждать.
- У тебя есть дети?
  - Нет. Думаю, как и у тебя.
  - У тебя смешная мимика. Правильно думаешь.
  - В этом мой секрет, красавица. Я всегда знаю, какую рожу скорчить.
  - Ты любишь путешествовать?
  - Кто ж не любит.
  - Где ты был в последний раз?
  - В Эмиратах, два месяца назад.
  - Ого, круто, наверное?
  - Истории о запрете неженатым туристам жить вместе это сказки. Держаться на улице за руки тоже можно.
- Где же сейчас та, с которой ты держался за руки и жил вместе в Эмиратах?
  - Понятия не имею.
  - Вы расстались?
  - Да.
  - И ты один?
  - Без постоянной любовницы. А где ты была в последний раз?
  - В Тайланде.
  - Тоже хорошо.
  - Мне не особо понравилось.

– Не возбуждаешься от трансов?

– Фу, какая мерзость! Я ездила с друзьями, а они постоянно куда-то бегут. Вечно несутся осматривать какие-нибудь дурацкие достопримечательности.

– Надо было объяснить, что главная достопримечательность это ты.

– С нами был мой бывший... Он тоже любитель активного туризма.

– Значит, он и в постели должен быть активным.

Яна промолчала.

– Красавица, есть мужчины и покрепче.

– Он всегда отмазывался тем, что я типа такая сексуальная... и так его возбуждаю...

– И кончал за минуту?

– Точно!

– Чем сексуальнее женщина, тем дольше ее хочется...

Акемгоним посмотрел в ставшие шальными глаза Яны. В них что-то оборвалось, будто яблоко с дерева. Акемгоним присосался к разалевшимся губам женщины.

Чуть отстранившись, Яна сказала:

– Трахни меня в машине...

– В твоей или моей? Моя на стоянке.

– Давай на лестнице!

Акемгоним вывел женщину из гостиной. Она быстро сняла колготки. Горгоной отпер дверь; Яна босиком выскочила из квартиры.

Выбежав на ярко освещенную лестничную клетку, женщина через голову стянула платье. Яна оказалась дальтоником: ее стринги были черными, а лифчик – красным. На жирной ляжке Горгоной увидел татуировку-иероглиф. Женщина завела руки назад, и лифчик упал между перил.

Грудь Яны была отвисшей; вниманием Акемгонима завладели набухшие розовые соски.

– Сними с меня трусики, – хрипло сказала эстгипсионистка, выделявая жутковатые приглашающие движения бедрами. – Выкинь их. Я хочу тебя. Иди ко мне.

Сняв ее не лучшим образом пахнувшие мокрые трусы, Горгоной швырнул их вслед бюстгальтеру. Яна ухватилась за ремень Акемгонима и принялась тянуть на себя. Навыки по обращению с данным элементом гардероба встречались у женщин еще реже, чем абстрактное мышление. Кое-как Горгоной стянул джинсы и трусы. Женщина принялась лизать, а вскоре и заглатывать его член.

Как всякий человек без абстрактного мышления, Яна плохо сосала. Она царапала член зубами, торопилась, пережимала рукой и выделяла море слюны. Чтобы одолеть стресс, Акемгоним принялся вспоминать текст «Given the Doge a Bone». Раскачивавшиеся сиськи женщины били его по коленям.

Парой этажей выше открылась дверь на лестничную клетку. Яна вскочила, ухватилась за перила и развернулась к Акемгониму толстой целлюлитной жопой.

– Трахай меня! – закричала нимфоманка дурным голосом.

Горгоной взял из кармана джинсов Durex, разорвал упаковку, нацепил презерватив. С третьей попытки он зашел в Яну и начал долбить. Одной рукой Акемгоним взялся за перила, другой лапал татуированное бедро женщины. Яна подмахивала ему задницей. Диспозиция интриговала, но Горгоной волновали шаги сверху.

– Отымей меня, отымей! – говорила Яна. – Я хочу, чтобы ты меня оттрахал! Разорви меня!

Вверху лестницы показался Андрей, живший на одиннадцатом этаже. Андрей спускал на женщин всю зарплату. Секс у него бывал раз в месяц.

Горгоной сказал:

– Привет, Андрей! С Новым годом!

– С Новым годом, Акемгоним! – сказал Андрей, плясь на Яну.

– Сиськи мои понравились?! – спросила женщина. – На, смотри!

– Она у меня интервью проходит, – сказал Горгоной.

– Не смей оскорблять меня! – крикнула Яна, подмахивая совсем уж остервенело. Акемгоним звонко шлепнул ее по жопе.

– Я, наверное, на лифте поеду, – сказал Андрей и пошел наверх.

– Да-а-а! – крикнула Яна и начала облизывать перила. – Бей меня! Шлепай! Хочу!

Акемгоним захотел искупаться в «Мирамистине». Впрочем, благодаря разнузданности Яны его эрекция оставалась стабильной.

– Сними резинку! – сказала женщина. – Я на таблетках! Кончи в меня!

Горгоной раскусил ненадежность этой оферты и сильно ударил Яну по крупу.

– А-а-х-х-х, – произнесла она. – Да! Да-а! Бей меня!

Акемгоним стал наносить удары при очередной краткой встрече его чресел и задницы Яны. Эта арифметическая модель гарантировала женщине объем драйва и боли, нужный, чтобы вести себя хоть капельку прилично.

Так прошло несколько минут. Яна стала подвывать. Ее рука судорожно двигалась в области паха.

За дверью открылся лифт, раздался стук каблучков. Яна закричала. Каблуки зацокали ближе, и дверь открылась. На пороге стояла Инна. Она была в дешевой шубке неопределенного цвета и коротком рубиновом платье. В руках Инна держала бутылку шампанского.

Едва Яна увидела вновь прибывшую, у нее случился оргазм. Это событие ознаменовалось калейдоскопом цитат Яны из Геца фон Берлихингена в переводе на чистейший русский. Акемгоним продолжал двигаться в Яне, извивавшейся своим большим телом.

– Здравствуйте, Инна, – сказал он. – С Новым годом!

Инна будто окаменела, ее глаза стали по-детски круглыми. Горгоной вышел из Яны. Он понимал, что любая его фраза будет верхом идиотизма.

Раскрасневшаяся Яна схватила платье и бросилась в квартиру. Все знакомые эксгибиционистки Акемгонима, кончив, становились пайньками.

Горгоной еще натягивал джинсы, когда Яна вернулась – уже одетая. Опустив глаза, женщина поцеловала его, сунула в руку бумажку и уехала на лифте. Акемгоним развернул бумажку: Яна записала номер телефона.

– Да, Инна... – сказал Горгоной. – Знаете, я тут читал стихи Франца Кафки и...

– Акемгоним Валентинович, Кафка не писал стихов, – сказала Инна.

Горгоной понял, что вскоре у него опять будет секс.

4 января

– Прекрасно выглядишь, – сказал Акемгоним.

Лена была дешево одета и несчастна. Горгоной согласился поужинать в ее любимом итальянском ресторанчике, который терпеть не мог. Располагалось это заведение в изобиловавшей бывшими соотечественниками дыре неподалеку от «Щёлковской». Лена снимала там однокомнатную конуру.

Год назад Лену бросил ее однокурсник, за которого она собиралась выйти. Они жили вместе четыре года. Однокурсник был юбочник и каблук вместе. Его звали Сергей или Роман – Акемгоним не выучил. Лена всё еще страдала.

– Спасибо, ты тоже ничего, – сказала она.

Три года назад, когда они познакомились, Акемгоним думал в статистических целях уместить Лену. Остановила Горгоной уверенность в ее непроходимой фригидности.

Мысль о сексе заставила его поморщиться. Обсуждение с Инной ненаписанных Кафкой рифм переросло в близость. Инне было двадцать, трахалась она еще мало. Зрелище секса на лестнице только подстегнуло ее. Акемгоним отхендожил Инну четыре раза: женщина кончила трижды, Горгоной – дважды.

В перерывах Инна тянулась к мобильнику читать о «Гниющей базилике». Акемгоним выслушал множество новостей о последнем ярком событии ушедшего года. Были похищены не только впоследствии сожженные рэперы. Украли еще одного члена группы. Его местонахождение оставалось загадкой. Показания всех конвоиров еще не стали известны журналистам. Обугленные трупы были привязаны к статуе в человеческий рост. Голова статуи была отбита. Убитые горем родственники верещали. Убитые огнем богохульники помалкивали.

В начале одиннадцатого утра Акемгоним прогнал Инну.

– У тебя новые очки? – спросила Лена.

Ее зеленоватые глаза можно было с изрядной долей лести назвать красивыми. Правый косил и норовил зыркнуть в сторону. В iPhone Горгоной женщина была записана как «Луарвик».

К бальзаковскому возрасту Лена приобрела горб. Ее кривые зубы становились всё уродливее. Шея женщины уже начала обвисать, задница была слишком тощей, грудь – маленькой. В остальном Лена считалась писаной красавицей.

– Gucci, – сказал Акемгоним. – Нравятся?

Черная массивная оправа подходила Горгоной и хорошо дополняла его костюм. Он надел джинсы Levi's, голубую сорочку и темно-синий пиджак Albione.

– Ничего. Но вообще нет, не нравятся. Ты почему никуда не уехал?

– А должен был?

– Я думала, ты уедешь с Вероникой.

– Я расстался с Вероникой.

Правый глаз Лены медленно сфокусировался на Акемгониме. Давно, занимая один с Леной кабинет, Горгоной не боялся этих фокусов. Став партнером, Акемгоним заполучил отдельный кабинет. Он стал реже видеть Лену. Полгода назад она ушла в другую фирму. Теперь Горгоной боялся при каждой встрече.

Сегодня он испугался вдвойне: ногти Лены были черного цвета.

– Ты расстался с Вероникой?

– Именно это я сказал.

– И давно?

– Пару месяцев назад.

– Как же вы расстались?

- С обвинениями, кровью и боем посуды.
- Правда? Расскажи.
- Шучу, я сказал «Пока» и ушел.

Веронике не хватило слова «Пока». Горгоной несколько раз залепил ей по физиономии, чтобы любовница в достаточной степени оскорбилась и убралась.

Опасаясь за желудок, Акемгоним выбрал пиццу «четыре сыра».

- И вы больше не общаетесь?
- Нет.
- Но ты поздравил ее с Новым годом?
- Не поздравил.
- А она тебя?
- Поздравила.
- И что сказала?
- Написала. Я не снял трубку.
- Что написала?
- Довольно замысловатое поздравление, не лишенное грамматических ошибок.
- Ты не ответил?
- Нет.
- Почему?
- Потому что я Акемгоним Горгоной, и мне наплевать.
- Почему просто не ответить на поздравление?
- Я не общаюсь с бывшими.
- Как хорошо, что мы с тобой никогда не встречались!
- Это да. То есть нет. То есть я не знаю. Наверное. Может быть. Что уж теперь гадать.
- И ты теперь один?
- Как перст.
- То есть у тебя никого нет?
- Только кот и руки не для скуки.
- Скучаешь по Веронике?
- Невозможно скучать по женщине, которую трахал целый год.
- Она тебе пишет?
- Слушай, давай я каждое ее письмо буду отсылать тебе? Можешь отвечать ей. Хочешь, от моего имени. Хочешь, от своего. Напиши, что я держу тебя в сексуальном рабстве. Что ты прикована к батарее. Что на завтрак у тебя белковый коктейль. Она поймет, что это значит. А на ужин фистинг, сквирт и куни. Что ты умоляешь вызвать полицию. Что я совершенно обезумел. Поинтересуйся, как она управлялась с моим темпераментом. Узнай, как тридцатипятилетняя баба выдерживала четырехчасовые сексуальные марафоны.

В общем, девочки, развлекитесь уже без меня. Я постоянно играл роль сломанного телефона. Когда мы были соседями, Вероника дико ревновала. Она использовала твои аккаунты в соцсетях. Критиковала твои шмотки. Ненавидела тебя. Она давно канула в Лету. Но сейчас уже ты засыпаешь меня вопросами...

- Два месяца это не давно!
- Давно.
- Но...
- Вероники нет, и баста. Если я тебе очень нужен, можешь раздеваться прямо здесь. Или подумай об этом дома.
- Я... я подумаю об этом.

Некоторое время они ели: Акемгоним молча, Лена чавкая.

– Мой бывший переехал в Питер, – сказала женщина и залпом осушила бокал вина, напоследок поперхнувшись.

– Сергей?

– Он Роман, вообще-то!

– Извини, вечно путаю.

– Он переехал к девочке, которой девятнадцать лет.

– Какой у нее размер груди?

– Что?! Какая разница?

– Это имеет большое значение.

– Ты издеваешься?

– Что с размером?

– Я никогда не обращала внимания.

– Ты с ней знакома, что ли?

– Я иногда захожу на ее страницу.

– За каким чертом?

Лена махнула половину следующего бокала и тихо рыгнула.

– Это комплексы, деточка. Ее грудь больше твоей? Если да, то этим всё объясняется.

– Он даже адвокатское удостоверение сдал! С таким трудом получил его в прошлом году...

– Теперь уже в позапрошлом. А почему сдал? Он по трудовому договору будет работать, что ли?

– В правовом департаменте какой-то питерской фармацевтической компании.

– Он из-за женщины бросил адвокатуру? И уехал в провинцию? Жизнь накажет его, поверь.

– Питер не провинция.

– Провинция, это даже в Конституции написано.

– Это в какой же статье?

– В семидесятой. Написано, что столицей России является Москва. Значит, все остальные города – провинция.

– Акем, он на ней женится!

– Это будет логично. Обычно мужчина дает новой женщине то, чего хотела старая. Старая мечтала о кунилингусе – хренушки. С новой мужик дайвер, одни пятки торчат. Старая хотела путешествовать – они не выходили из дома. С новой он исколесил весь мир. Старая просилась жить вместе – он ее бросил. Новую перевез к себе в три дня. Старая жаловалась, что мужик постоянно работал. Теперь он прогуливает работу, как восьмиклассник школу. Так и с браком.

Глаза Лены съехались к переносице.

– Ты же работал эти четыре дня? – спросила она.

– Я сегодня вернулся из Минска. В офис только завтра поеду.

– На прошлых новогодних ты ведь тоже был в Минске?

– Там хорошо отдыхать.

– Оставшиеся праздники будешь работать?

– Как обычно.

– Как тебе удастся так пахать и сохранять хорошее настроение? У меня вечером хватает сил только выпить пару бокалов и завалиться дрыхнуть.

Три года назад Лена попала в сильную зависимость от Акемгонима. Его профессиональные качества закрыли Лене глаза на человеческие. Как и многие, она считала Горгоноя эталонным юриста. Лена принялась торчать в офисе с рассвета до заката. Значительную часть этого времени она даже пыталась работать. Правда, юристом Лена осталась скверным.

Минувшей зимой, расставшись с любителем питерской клубнички, она увлеклась шахматами. Летом Акемгоним поставил ей детский мат. Горгоной не играл в шахматы много лет; это была единственная хитрость, что он помнил. Тогда Лена заимела привычку ежевечерне хлестать вино.

– Я просто не заморачиваюсь.

– Что это значит?

– Я бы на твоём месте занялся каким-нибудь спортом. Помимо шахмат. Какой смысл ежедневно бухать в тридцать лет?

– Сам-то ты спортом не занимаешься!

– Я мастер постельных видов спорта. В форме меня держит секс.

После ужина Лена запросилась смотреть «Елки-3» в кино.

– Доброй ночи, принцесса, – сказал Акемгоним и чмокнул ее в щеку.

5 января

Всякий сезон Горгоной ходил на «Бесов», поставленных Юрием Любимовым. Утром Акемгоним обозрел реестр знакомых баб, которых господа не повезли в морские трах-круизы. Наиболее перспективной кандидатурой оказалась Даша, тощая московская фифа. Ей сравнялось двадцать три года, она ходила в моделях. У Даши была подруга Эллочка, сисястая московская фифа. Она была моложе Даши на пару лет и где-то училась. У Элочки были грудь номер три, светлые длинные волосы и относительно ровные зубы. Тем вечером Даша намеревалась поужинать с Эллочкой.

У Даши было похмелье. Каждую минуту она чесалась: вероятно, платье было новым или арендованным.

В антракте модель жаловалась на отсутствие дорогих шмоток и любви. Горгоной рассудил, что ее не трахнули вчера. В антропологических целях он заметил, что Ставрогин был наиболее популярным у женщин героем русской литературы. Даша зачесалась и посетовала, что такие рыцари уже вымерли. Акемгоним решил говорить поменьше, чтобы не сбежать до ужина.

Эллочка ждала Горгоноя и Дашу в ресторане «Аллен». Ее скованная пуш-апом грудь норовила упорхнуть из виртуальной блузки. Горгоной попросил ананасовый фреш, стейк и обратился в зрение.

Поначалу Эллочка и Даша стеснялись Акемгонима. Попривыкнув, женщины долго рассуждали о шмотках. Горгоной не участвовал в разговоре и созерцал молочные железы Эллы.

Затем Даша принялась говорить о мужчинах. Выяснилось, что они с Эллой имели неприлично большое для еще молодых женщин количество любовных приключений. Акемгоним рассеянно слушал, пялился на грудь Эллы и ел.

Даша говорила, что ей нравились brutальные мужчины. Жестокость и грубость настоящих brutалов заводили Дашу. Если же любовник не совершал мужских поступков, Даша брала растяпу в оборот. Над таким мужчиной она доминировала и ждала brutального самца.

Горгоной почувствовал себя узником замка фиф. Будто томный рыцарь в заточении у колдуний, он сидел и потягивал фреш.

Разговор внезапно стал заумным. Как выяснилось, Элла читала «Бесов». Впрочем, затем обнаружилось, что Элла путала «Бесов» с «Хрониками Нарнии».

Знание творчества Достоевского иногда помогало Акемгониму. Он знался с Асей, престарелой юридической красоткой. Ася была начитана и мало кому давала. У Горгоноя лет пять не доходили руки заняться ей. Минувшим летом он забрел на пьянку в ресторан «Азор». Там была и Ася. Тогда Акемгоним заметил у нее признаки экзистенциального кризиса. Ася восседала на подоконнике. Ноги она свесила вниз. «Азор» располагался на пятнадцатом этаже.

Весь путь к дому Горгоноя Ася твердила, что жила, будто Сонечка Мармеладова. В подробности женщина не углублялась, однако Акемгоним купил Durex.

Воспользоваться приобретением удалось не сразу. Ася текла, лишь обмурывив хорошенько «Преступление и наказание».

Горгоной и Ася обсудили систему персонажей, мрачные урбанистические картины, бедных эксплуатировавшихся женщин. Акемгоним ввернул, что пол детей Мармеладовых к финалу романа изменился. Ася не поверила. Горгоной принес томик Достоевского, и они сошлись за чтением вечной книги.

Акемгоним вкратце пересказал женщине сны Раскольникова. Он вспомнил, что Свидригайлов тоже любил поспать и наблюдал мышей да гробы.

Асю возбудил сон Раскольникова о неудачных попытках кокнуть уже зарубленную бабку. Горгоной заметил, что это видение было личным адом Раскольникова: тот осужден совершать убийство постоянно. Он добавил, что таким, пожалуй, был и ад настоящий. Дескать, человек

наказывался бременем повторного совершения грехов, усугубленным осознанием всей их мерзости.

Через мгновение Ася сидела на коленях Горгоноя и целовала его.

Элла была гораздо младше Аси, ее ценности не успели столь изуродоваться. Поэтому Акемгоним сказал Элле, что у него были две квартиры в Москве и Mercedes-Benz S-Klasse.

Любительница альфа-самцов, очевидно, решила, что подруга и состоятельный бобер воровали у нее каждый другого. Она надулась, почесалась и увидела только что зашедшего в «Аллен» Дениса Гагина.

Гагин был разведенный тридцатилетний зашекан из аудиторской фирмы средней паршивости. Однажды Акемгоним поспорил с Гагиным на конференции. Гагин в теме не разбирался. Горгоной тоже не вязал лыка, о чём сразу заявил аудитории. Это признание развеселило одну из волонтерок конференции, хохлушку с бюстом номер четыре. Спустя час она продемонстрировала Акемгониму навыки горлового пения в его «мерсе».

Акемгоним пожал руку Гагина.

– Вообще, книжка ужасно длинная, – сказала Элла. – Я еле дочитала.

– Набоков тоже критиковал Достоевского, – сказал Горгоной.

– Какой Набоков, хоккеист? – спросил Гагин.

Даша с готовностью заржала, Элла тоже рассмеялась.

– Цивилизованный мир при упоминании Набокова вспоминает автора «Лолиты», – сказал Горгоной.

– Цивилизованный мир любит русский хоккей, – сказал Гагин.

Спросив извинений у груди Эллы, Акемгоним вышел позвонить.

Артур долго не брал трубку. По голосу Акемгоним догадался, что того снова выгнала любовница. Горгоной попросил у него большой дилдо и травматическую «Вендетту».

За столиком фифы и Гагин обсуждали кинофильм «Dухless». Акемгоним продолжил глядеть на сиськи Эллы.

– А ты что думаешь, Акемгоним? – спросил Гагин.

– Тухлый фильм, и книга ни о чём. Ремейк «99 франков» Бегбедера.

– Кого-кого? – произнес Гагин, ослабившись. – Цивилизованный мир не знает такого.

– А зря, – сказал Горгоной. – Он, например, рассказывает, почему у девушек всегда болит живот.

– Почему? – спросила Элла.

– Дай-ка припомнить... В пятнадцать оттого, что думаете, будто любите. В двадцать пять из-за страха будущего. В тридцать пять от алкоголизма. В сорок пять из-за тяжелой работы. Дальше я забыл. Наверное, потому что скоро умирать.

– Очень смешно, – сказала Даша.

– А в перерывах остается только слушаться: учителей, родителей, начальников, мужей, докторов.

– Что за глупости, – сказала Даша. – Акемгоним, это вообще какой-то бред! В «Dухless» не было такого...

– В цивилизованном мире это называют мужским шовинизмом, – сказал Гагин.

– Я вообще не поняла, что там было про мужей? – говорила Даша. – Кто сейчас слушается мужей? Да если бы у меня был муж...

– У тебя его нет, – сказал Горгоной.

– Он мне и не нужен!

– Нужен. У тебя мало денег на шмотки. Ты мне жаловалась сегодня.

– Акемгоним... – сказал Гагин.

Даша промолчала. Горгоной решил, что трахнет ее между зубов.

– Так что муж нужен, – сказал он. – Папик, муж, бобер. Мужик при бабках. Коли пове- зет, еще и с яйцами. Только не рассказывай, что женщины всё могут сами. Вы даже ребенка сами заделать не можете. А спиногрызы нужны именно вам. Мужчины спокойно обходятся без детей.

– Акемгоним... – сказал Гагин.

– Денис, я сейчас закончу. Даша, ступай в туалет. Подумай еще разок, что у тебя нет мужа и денег. Не забудь поплакать. Можешь там повеситься, но лучше возвращайся сюда. Потому что мы твои друзья. Мы тебя любим.

Раздались первые аккорды «Have a Nice Day» «Bon Jovi»: звонил iPhone Горгоноя. Лицо Даши скривилось – последующей реакции Акемгоним не видел.

– Ты уже здесь? – спросил он, глядя на часы и вставая.

– Я в секс-шопе, – сказал Артур, – через десять минут буду у тебя. Первую часть заказа достал. Слушай, тут спрашивают, член нужен человеческий или какой?

«Аллен» заработал в режиме клуба, стало шумно от паршивой электронной музыки.

– Артур, нужен искусственный член. Секс-игрушка, а не человеческий.

– Да я понимаю! Слушай, тут передо мной выложили дилдо... Есть типа человеческие, есть еще лошадиные, бычьи...

– А существуют принципиальные различия между человеческим дилдо и лошадиным?

Из-за громкой музыки Акемгониму приходилось кричать в телефон. Он поймал взгляды двух сидевших неподалеку геев.

– Я дам тебе консультанта, – сказал Артур.

– Алло, – сказал iPhone женским басом. Акемгоним решил, что с ним говорил транссексуал.

– Добрый вечер. Я хотел бы проконсультироваться, какой дилдо выбрать.

– Как я могу к вам обращаться?

– Ланселот. А фамилия моя Лавджой.

– Вас, правда, так зовут?

– Почти. Но обращаться вы можете именно так.

– Как скажете, Ланселот. Что именно вас интересует?

– Меня интересует большой дилдо. Очень большой. Самый огромный, что у вас есть. Мне всё равно, человеческий или слоновий. Он должен быть гигантским, размером с Флориду, не меньше. Он разорвет мою нежную попку.

Акемгоним подмигнул геем.

Пьяная и обдолбанная чернь старалась дергаться в такт раздражавшей уши электронике. Акемгоним увидел, что за их столиком в одиночестве ел Гагин. Элли Горгоной обнаружил у туалетов.

– А-кем-гоним, – улыбнувшись, произнесла она.

– Элла, я должен уехать, – сказал Горгоной. – Нужно встретить маму, она прилетает сегодня. Пойдем завтра в кино?

Лицо женщины отразило умственное напряжение.

– А сегодня... – сказала Элла, и Акемгоним потащил ее в мужской туалет.

Всё еще 5 января

– Что мы делаем? – спросила Элла, распространяя запахи пота и алкоголя.

Акемгоним запер дверь кабинки.

– Мало времени, – сказал он, целуя неприятно пахнувшие губы женщины. – Ты самая красивая девушка, что я встречал. Пойдем в кино завтра. А через неделю рванем куда-нибудь в Европу.

Элла обвила шею Горгоноя руками. Он расстегнул и приспустил свои джинсы. Оседлав весьма чистый унитаз, Акемгоним снял юбку Эллы, ее трусики и повесил на ручку двери. Усадив женщину себе на колени, Акемгоним принялся целовать ее вываливавшуюся из блузки грудь.

– Ой, – сказала Элла и расстегнула блузку.

Горгоной надел Durex и стал заходить в женщину. Та скривилась – пришлось разбираться вручную. Как оказалось, Элла была щетинистой и абсолютно сухой. Принюхавшись, Акемгоним решил, будто она давно не мылась. Впрочем, существовал риск, что Элла не использовала мыло для личной гигиены. Обычно такие женщины поясняли, что берегли уникальную микрофлору своих вагин. Иным заодно удавалось сохранить невинность до пенсии.

Горгоной чуть отстранил Эллу.

– Так, – сказала она. Акемгоним засунул ей между тех губ, что на физиономии, средний палец левой руки. Женщина, вероятно, решила, что это прелюдия, и начала меланхолично сосать фак Горгоноя.

Оплевав другой свой фак, Акемгоним засунул его в нижние губы Эллы. Зазвучала «Have a Nice Day»; Горгоной отвлекся, полагая, что это был Артур. Звонила Инна – Акемгоним не взял трубку.

С восьмого раза Горгоной зашел. Лицо Эллы даже не обрело черты трагических античных масок, как в первые семь раз. Однако ее ноги упорно разъезжались.

– Хи-хи, – сказала женщина, и вновь зазвонил iPhone Акемгонима.

– Я поднимаюсь в «Аллен», – сказал Артур. – За каким ты столиком?

Горгоной быстро, насколько позволяли спущенные джинсы, вышел из кабинки. Удостоверившись, что других людей в туалете не было, он сказал, перекрикивая музыку:

– Артур! Иди к мужскому туалету. Не пускай сюда людей. Как угодно! Чтобы никого! Я умножу твои бабки на два.

– Я у туалета! – прокричал Артур в телефон.

Плохо знавшие Артура считали его бандитом. Он был сын высокопоставленных родителей. Акемгоним познакомился с ним в Университете. Диплом Артур так и не получил, чем удивил весь курс. После юрфака он учился на актера – с тем же результатом. Артур трахал баб, смотрел футбол и нюхал кокс. Он в жизни не был трудоустроен. Периодически родители отнимали у Артура квартиру и не давали бабок. Тогда Артур промышлял чем мог: доставал редкие лекарства, возил оружие и «бомбил» на своем BMW.

– Что мы делаем? – спросила Элла, застыв в одном лифчике посреди кабинки и глупо улыбаясь.

Подозвав женщину, Акемгоним усадил ее толстую задницу на раковину. У него получилось войти идеально. Он снял лифчик Эллы, и бюст третьего размера ухнул вниз.

Жопа Эллы поползла ближе к зеркалу. Вероятно, член Горгоноя оказался большим для женщины.

Акемгоним взгромоздился на раковину. Она была сплошная и выдерживала двоих. Горгоной тут же придумал название для эксклюзивной линейки раковин: «Антиболивар».

Элла встала на четвереньки и поползла от Горгоноя. Он настиг беглянку. Его член опал, и Акемгоним вошел с трудом, на морально-волевых качествах.

– Ой, – сказала Элла при очередном его резком движении.

С этого «ой» женщина внезапно начала получать удовольствие. Она ухватилась за кран. Горгоной перехватил взгляд Эллы: женщина наблюдала за отражением своего бюста. Ее сиськи раскачивались, как боксерские груши после ударов.

Элла стала подмахивать задницей. Горгоной был далек от эякуляции: ананасовые фреши просились наружу золотым ливнем.

На числе «65 536» снаружи послышались возмущенные голоса. Дверь в туалет не распахнулась: Артур отработывал свой хлеб.

– Так, – сказала Элла. Она вынула член Горгоноя, перевернулась и уложила Акемгонима на спину. Его голова свесилась в раковину. Высвободив член любовника из презерватива, Элла обволокла его теплой мокротой своего рта. Сосала женщина посредственно, зато одной рукой наяривала Горгоною. Другой она теребила свою киску. Акемгонику приходилось держать голову на весу – это затрудняло математические упражнения.

Наконец, женщина задергалась. Запах ее пота стал непереносим. Горгоной всем своим телом развернул Эллу к зеркалу. Та рыкнула и посмотрела в глаза своему отражению.

Кончив, Элла дернулась особенно резко и столкнула любовника на пол. Акемгоним поднялся и отправился в кабинку. Облегчившись, Горгоной впервые после «Бесов» испытал удовольствие.

Акемгоним и женщина молча оделись.

– Пойдем, – сказал он и взял Эллу за руку. – Наши друзья заждались.

– Ты не подумай, что я всегда...

Горгоной обнял женщину.

Снаружи Артур не пускал в туалет давешних геев. Хлопнув Эллу по заднице, Горгоной отвел его в сторону.

– Восемьдесят. Это с учетом умножения на два и скорости, – сказал Артур. Он всучил Акемгонику два пакета и убрал руки за спину. Горгоной вынул рубли и отсчитал пятьдесят тысяч.

– Признайся, ствол дешевка. Он хоть заряжен?

– На хрена ты таскаешь столько наличных, Акемгоним? Убьют ведь.

– Мне в бою смерть не писана.

Акемгоним заметил, что в их сторону, раздвигая плечом дергавшуюся толпу, направлялся Гагин.

– Чем больше денег мужик вынимает из кармана, тем он сексуальнее. Кэш это секс, Артур. Кредитки для слабаков. Будь другом, покарауль еще немного.

Гомики вышли из туалета. Других желавших облегчиться или заправиться Горгоной не увидел. Акемгоним кивнул Гагину, открыл дверь и пропустил его вперед.

– А, так ты с корешом что-то перетирал, – сказал Гагин, проходя в кабинку и не закрывая дверь. – А я смотрю, Элки нет, тебя нет... Неужели, думаю, она тебе дает где-нибудь за углом? Но она дорогая штучка, тебе не по зубам.

Гагин стал облегчаться. Горгоной достал из пакетов сюрпризы Артура. Гагин не спустил и повернулся к Акемгонику, застегивая джинсы.

Горгоной поднял «Вендетту» и сказал:

– Значит так, дорогой мой. Ты засунешь эту штуку в свой нежный анус и будешь двигать.

В цивилизованном мире это называется «трахать себя фаллосом». Иначе я тебе мозги вышибу, жертва аборта. Уж ты не сомневайся.

– Акемгоним, ты с ума сошел?!

Лицо Гагина исказилось от ужаса. Возможно, Денис посматривал хоккей, однако навряд ли играл сам.

Акемгоним бросил Гагину дилдо – тот поймал его и застыл.

– Я сосчитаю до трех, – произнес Горгоной. – Цифры «четыре» не будет. Раз, два, аминь!

Покрасневший Гагин расстегнул джинсы и замешкался.

– Не останавливайся! – сказал Акемгоним.

Гагин стянул джинсы и беспонтовые коричневые трусы. Он посмотрел на фаллос в своей руке.

– Давай! – сказал Горгоной. – Пососи дилдо, так легче войдет. Отлично, повернись ко мне своей трусливой задницей. Я хочу видеть, что ты, правда, испытываешь наслаждение, а не симулируешь.

Гагин исполнил, вследствие чего Акемгоним был лишен удовольствия дальше наблюдать его перекосившуюся рожу. Фаллос на удивление легко проник в анус Гагина. Вероятно, Денис принял ствол за настоящий.

– Какая у тебя разработанная задница, – сказал Акемгоним. – Ты, часом, не сексуальный левша? Так Набоков обзывал гомиков. Писатель, а не хоккеист. Быстрее! Говна кусок, ты думаешь, я шучу?! Трахай себя быстрее!

Гагин ускорился.

– Ты что-то очень серьезный. Что ты больше не шутишь про меня и Эллу? Давай пошутим вместе. Нет? Чтоб ты знал, я сейчас отодрал ее. Прямо здесь. Не думаю, что у тебя есть шанс. Вряд ли она даст чуваку, кидающему резиновый фаллос себе под хвост.

Молчишь? Тогда я процитирую Достоевского, которого мы сегодня обсуждали. Настоящее горе даже феноменально легкомысленного человека превращает в образец стойкости. И даже солидности. Хоть на малое время. В эту минуту ты чертовски солиден, Денис. Может, даже стоек. Прости, мне не видно, стоит ли у тебя. А вот еще оттуда же... От настоящего горя и дураки порой умнеют. Это уж свойство такое горя. Слышишь: и дураки умнеют, вот так-то. Ты, я гляжу, поумнел.

Давай работай, ушлёпок! Может быть, ты думаешь, что я предлагаю обсуждать излишне заумные вопросы? Возможно, очень может быть. Но, знаешь ли, есть такой писатель – Умберто Эко. В его переписке имеется замечательная фраза...

Что-то ударило в дверь – та не открылась.

– А фраза такая... Правильно, смени руку. Так вот, кому-то, мол, эта беседа покажется заумной, и чёрт с ними. Пусть учатся думать: хорошую загадку разгадать нелегко. Понимаешь, Денис? Хорошую загадку нелегко разгадать.

Скажешь, что я цитирую очень уж много неизвестных тебе книг? Перегружаю речь чужими мыслями? И снова ты будешь прав. Что поделать, на этот счет у меня тоже есть цитата. Ее автор Сэлинджер. Я знаю ее наизусть. Она безумно нравится мне. «Во всяком случае, я понял, что высокомерие человека, ничего не читающего или читающего очень мало, куда противнее, чем высокомерие некоторых заядлых читателей, – поэтому я и пытаюсь»...

Артур сплоховал: дверь распахнулась, и на пороге встал маленький лысоватый человек. Вероятно, это был менеджер ресторана. За его спиной два бугая удерживали не особенно вырывавшегося Артура.

– Что происходит?! – спросил менеджер.

– На помощь! Помогите! – орал мгновенно закрывшийся в кабинке Гагин.

Менеджер двинулся было на зов; Горгоной поднял «Вендетту».

– Я приношу заведению извинения, – сказал он. – Обещаю впредь тут не появляться. Я сейчас уйду.

Акемгоним вытащил из кармана джинсов пятьсот евро, бросил на раковину. Менеджер осуждающе посмотрел на Горгоноя и сказал бугаям:

– Пропустите.

Акемгоним заметил у гардероба высматривавшую его Дашу. Проходя мимо Артура и бугаев, Горгоной сказал:

– Отпустите его тоже.

Через пять минут Даша говорила снизу:

– Ты просто псих, Горгоной.

Через стекло такси Акемгоним видел разноцветные огни ночного города. Улицы заполняли бедолаги, тщетно искавшие решение своих половых невзгод.

– Ты что, правда, застрелил бы его? – спрашивала Даша.

– Да, – говорил Акемгоним.

– Ум-м-м... Ты такой brutальный... – говорила женщина и чмокала.

Даша спрашивала заново, выслушивала ответ и продолжала чмокать. Потом Горгоной устал отвечать, и Даша чмокала без слов.

8 января

– Это еще что, у нас была соседка по даче, и она была этой... ну, зоофилкой...

Возбужденный женский шепот раздавался с кресла позади Горгоноя. Похоже было, что говорившую давно не трахали.

Вот-вот должен был начаться моноспектакль Константина Райкина «Своим голосом». Акемгоним закрыл Esquire и прислушался.

– Прямо зоофилкой? – спросил другой женский голос, еще более возбужденный.

– Короче, у нас был сосед по даче, полковник... У него была молодая жена, немка. Она хорошо говорила по-русски, в ГДР родилась. У нее еще имя было такое странное... Не Рая, а как-то наоборот...

– Какая же Рая, если немка?

– Так я и говорю, другое имя... У них был мраморный датский дог...

Горгоной убрал журнал в рюкзак.

– И она прямо с догом? – спросил второй голос.

Видимо, и эту женщину миновали половые контакты – не только с догами.

– Она занималась сексом с догом, когда муж уезжал. И однажды...

Голос стал еще тише. Акемгоним почти физически ощутил, какое мощное слюноотделение было у говорившей.

– ...муж уехал, она стала трахаться с догом, и у нее случилось это... защемление!

– О господи! – сказал второй голос. Горгоной чуть было не присоединился к этому восклицанию.

– У нее защемило?!

– Защемило! Представляешь?

– И что она сделала?

– Они вызвали скорую...

– Кто «они»?

«Молодая жена и дог», – хотел сказать Акемгоним.

– Она и ее мама.

– Она при маме занималась сексом с догом?!

– Нет, мама как раз недавно переехала из Германии и жила через несколько домов...

На сцену выбежал Константин Райкин. Как всегда, он был хорош. Горгоной порой читал женщинам стихи, но Константин Аркадьевич делал это лучше. Акемгоним ходил на этот спектакль один.

После спектакля Горгоной рассмотрел женщин, беседовавших о доге. Им было под тридцать. Обе чуть преступили тонкую грань между возбуждающей сочностью и необходимостью лишиться десятка килограммов. Маникюр одной из них включал десять цветов.

– Барышни! – сказал Акемгоним, пристраиваясь за ними. – У меня живет огромный дог. В данный момент он как раз зажигает свечи и готовит ужин. Его лоб украшает бриллиантовая повязка. Давайте поедem ко мне? Побалуемcя вчетвером. Ручаюсь, я смогу вас удивить. Давным-давно на Капри я прочел все сочинения Элефантиды. Я до сих пор знаю их наизусть.

С Элефантидой Акемгоним махнул: жирдяйки поняли лишь фразу о групповухе. Не успели они возмутиться, как iPhone Горгоноя завибрировал. Звонил университетский друг Акемгонима Павел.

– Ты в Москве? – спросил он. – Есть клиент для тебя, приезжай.

Горгоной и Павел одновременно были абитуриентами юридического факультета Университета. Сначала они провалились. Оба заново готовились ко второму поступлению. На реша-

ющем экзамене Акемгоним и Павел были соседями. Каждый ужаснулся билету, что достался второму. Оба получили высший балл. Спустя три дня они встретились на зачислении.

Через месяц Горгоной и Павел столкнулись на университетской диспансеризации. На обход врачей у студентов было два месяца.

Распределили их в одну группу. Групп было шестнадцать.

В студенческие годы Акемгоним и Павел были неразлучны. На пару они выдержали больше ста экзаменов и зачетов. Первокурсниками они работали у коллекторов. Через три года они были собственниками агентства по выбиванию долгов из неплативших уродов. Став адвокатом, Горгоной отдал долю Павлу.

Параллельно с взысканием задолженности они играли рок на гитарах. Сперва группа называлась «Павлины и карлики». Вскоре они заделались «Пятничными судорогами», и этот бренд уже не менялся. За барабанной установкой часто сидел Яша, некогда должник их агентства. В начале знакомства Горгоной и Павел отобрали у Яши барабаны. Петь все трое не умели. Обычно «Судороги» пели хором.

Павел отлично разбирался в технике. Помимо автомобиля он водил скутер и мотоцикл.

Павел был мультиинструменталист. Он музицировал на электрогитаре, скрипке и бас-гитаре. Павел мог сыграть и на ударных, если Яшу заточала дома жена. Тогда бас-гитару щипал кто-то еще. Часто это делал брат Павла Коля. Коля был знатный торчок, настоящая рок-звезда. Судороги у Коли были ежедневные, а не только пятничные.

Павел великолепно устраивал отстрел бомжей. Пока Коля не сторчался окончательно, бомжей гасили втроем. Два-три раза Акемгоним и Павел охотились вдвоем, но это было так себе удовольствие. Коля мочил бомжей весело, но и с достоинством. Любую трудную мишень он провозжал в ад без страха и упрека. Жак-Клод Ван Дамм и тот не стал бы помехой этому колиному хобби.

Когда Акемгоним заимел партнерскую должность, гасить бомжей ему стало неприлично. Арест партнера за истребление людских отбросов нанес бы ущерб репутации Фирмы. Одновременно Павел женился и больше не мог часто видаться с Горгоном. Уже пару лет они не стреляли.

Еще Павел увлекался горным туризмом, сноубордом, лыжами и дельтапланеризмом. Павел знал толк и в литературе. Он был надежный человек. Он был крут.

– Навестим Павла, – сказал Горгоной Кириллу, усаживаясь в Mercedes.

Кирилл был водитель Акемгонима. Он, наконец, вернулся с каникул.

В iPhone Горгоной увидел сообщение Инны: «Акемгоним Валентинович, позвоните мне, пожалуйста. Я соскучилась».

Павел заседал в безлюдном кабаке. Еще Акемгоним обнаружил в зале Колю и невысокую жирноватую рыжую лет тридцати. Рыжуля была одета в короткую черную юбку и прозрачную голубую сорочку. Она прислуживала.

– Горгогно-о-ой, – сказал Коля.

– Я угощаю, – сказал Акемгоним.

– Водочки, – сказал Коля рыжуле.

– Он верит, что у него девять жизней, – сказал Горгоной.

– Его зачали на спор, – сказал Павел.

– Этим скучным простой воды без газа. И плюньте туда, – сказал Коля.

– Хи-хи, – сказала рыжуля каждому из них. Вероятно, она любила тройное проникновение.

– А что-нибудь покушать? – спросила официантка прокуренным голосом.

Акемгоним побоялся отравиться и заказал «четыре сыра» на троих. Коля отлучился в уборную слопать пару «ешек». Павел отдал Горгоною флешку и сказал:

– Тут сканы документов. Кредиторы дербанят завод. Менеджменту не нужны проблемы. Посмотри, авось возьмешься. Менеджеры бывшие военные. Простоватые, но в общем нормальные. С понятиями.

– Рома Кашин женился, слышал?

– Ты был на свадьбе?

– Заехал ненадолго. Раньше он пускал слюни на девушку брата. Я ему говорил, чтобы уводил. Баба и сама заглядывалась на Рому. Она была так себе, кстати.

– Всё равно надо было уводить.

– Конечно. Химия не так часто случается. Но он мямл сиську. В итоге брательник ее кинул, но поезд ушел. Женился Рома на другой.

– А что Максим?

– Так и завис в Лондоне. Получил там худо-бедно образование. На папины деньги, естественно. И сношает вола.

Вернулся Коля, присел, махнул горькой, достал из сумки разорванный том. Это оказалась «Девушка с татуировкой дракона». Акемгоним взглянул на Павла.

– С ним такое бывает, – сказал тот.

– Зашибись книга, ништяк, – сказал Коля.

– Ты читал? – спросил Горгоной у Павла.

– Первую часть еще можно почитать. По ней сняли два неплохих фильма, а автор умер и новинками нас не порадует. Вторая значительно хуже.

– А третья?

– До третьей искренне твой не добрался. Вряд ли чтение книги доставит тебе большое удовольствие после просмотра фильма.

– На фильме мне посчастливилось уснуть. Помню, там интересный Дэниэл Крэйг.

– Я недавно уснул за просмотром «Американского психопата».

Рыжуля принесла «четыре сыра». Акемгоним спросил у нее дорогу к мужскому туалету.

– Посетителей всё равно немного, – сказал Горгоной.

Рыжуля завела его в темный уголок и открыла дверь сортира. Раковина там была слабая, не чета «Аллену». У двери Акемгоним заметил кособокий стул.

Горгоной толкнул рыжулю в сортир и закрыл дверь. Он поставил стул напротив довольно большого зеркала. Акемгоним припомнил секс-сцену в туалете из фильма «Рестлер». Он достал пятитысячную банкноту и засунул в карман юбки рыжули.

– Трахни меня, – произнес Горгоной, усаживаясь на стул.

Озорно улыбаясь, рыжуля спустила джинсы и трусы Акемгонима. Зубы официантки были чересчур кривые, и Горгоной содрогнулся, дав ей в рот.

Минет был так себе. Закончив сосать, рыжуля взяла у Акемгонима Durex. Женщина облачила член Горгоной в резину и сняла юбку, показав толстые ляжки. Рыжуля сдвинула трусы набок – этот прием часто использовали женщины бальзаковского возраста. Она направила Акемгонима внутрь себя и расстегнула блузку.

Рыжуля нежно прижимала его голову к своему отвисшему бюсту. Пожалуй, у нее был ребенок. На это указывали годы, форма сосков и чрезмерно разработанная вагина. Из-за тусклого освещения Горгоной не заметил, были ли у женщины родовые шрамы.

От чрезмерных усилий толстуха начала обильно потеть. Сортир наполнился мерзким духом пота замученного курением и алкоголем тела. Акемгоним послушно зарывался лицом в грудь рыжули, нюхал и умудрялся сохранять эрекцию.

Минут восемь спустя Горгоной понял, что оргазмов не будет.

– Извини, меня ждут друзья, – сказал Акемгоним заливавшейся потом официантке. – Дай мне свой номер телефона.

Женщина сказала номер и протянула купюру.

- Ты не кончил, – сказала она.
- И ты.
- Горгоной не взял купюру.
- Мне было хорошо с тобой. Меня зовут Галя.
- Акемгоним. Я позвоню.
- «Американский психопат» хороший фильм, – сказал Горгоной, вернувшись. – Но книга лучше.
- Стоит почитать? – спросил Павел.
- Стоит. Недостаток тот же, что у большинства книг Достоевского. Которого модно упоминать, говоря об авторе «Психопата». Чрезмерный объем. Как говорил Набоков, подражатели Достоевского и сейчас творят в его манере.
- Это он «Психопата» имел в виду?
- Сартра или Камю, не помню точно.
- Коля поперхнулся, забулькал и едва не стравил.
- Чума, твою мать, – сказал он.

19 января

– Прекрасно выглядишь, – сказал Горгоной.

Выглядела Юля, как обычно, слишком просто. Впрочем, ей было двадцать, и оставалась надежда зацепить папика.

Год назад Юле это почти удалось. Тогда Акемгоним вел у ее группы семинары по риторике. Сдав экзамен, Юля отправила Горгоной мэйл. Она интересовалась более глубоким постижением науки красноречия.

У Юли были кривые зубы, грудь третьего размера и длинные волосы. Еще у нее имелся полунищий беспонтовый мальчик. Временами Юля уходила от него к другим полунищим беспонтовым мальчикам.

Юля безумно хотела Акемгонима. Иногда Горгоной слышал чавканье ее киски.

Вскоре Юля рассказала Акемгониму, что еженедельно обзванивала своих бывших. Мол, бывшие оставались важной частью ее жизни. По мнению Горгоной, это свидетельствовало о крепком нездоровье. Для порядка Акемгоним отбил ее у беспонтового мальчика. Побрезговав, он так и не дал Юле. Через пару дней Горгоной бросил Юлю, и она вернулась к мальчику.

– Спасибо, – сказала Юля и кривозубо заулыбалась. Она сощурилась и закосила к переносице невыразительными бледно-зелеными глазами. Вероятно, женщина думала, что глядела на Акемгонима с поволокой.

Горгоной опустил взгляд на третий размер. В глаза ему бросился дешевый маникюр фиолетового цвета.

– Я и не думала, что ты согласишься встретиться. Ты всегда так занят...

– Удачное стечение обстоятельств, не более. Я собирался в Ермоловский на «Портрет Дориана Грея». Спектакль отменили, и как раз ты пишешь. Как я мог упустить такой случай?

– Я рада тебя видеть. Несмотря на то, что ты... Несмотря на то, как мы расстались. Точнее, попрощались... В общем, я тебе очень рада.

– Что хорошего, какие новости? Помимо ветрянки.

– Как ты понял про ветрянку?

– Оспинка рядом с твоим ухом. Раньше ее не было.

– Ты так хорошо помнишь мое лицо?

– Помню, я же тебя целовал. Рассказывай.

– Я по-прежнему учусь. По-прежнему хорошо. Ищу работу по специальности. Рассталась с Егором... Теперь встречаюсь с Игорем.

– Что за Игорь?

– Я ушла от него к Егору когда-то.

– А-а.

– Ты не одобряешь этого?

– Помилуй, красавица, мое ли это дело?

– Мне важно твое мнение. Прошло уже два месяца, но я переживаю за Егора...

– Какой смысл переживать? Трахайся с Игорем.

– Просто я думаю, не вернуться ли к Егору... Он зовет меня назад, говорит, что скучает.

И я скучаю...

– Ты придаешь значение маловажным вещам. Игорь, Егор – какая разница? Они нищелюбы. Я давно тебе говорю: хочешь нормально жить в Москве – ищи папика. Или надрывай задницу в офисе. А ты бегаешь меж двух лохов.

– Значит, ты меня тоже не одобряешь... Меня почти все подруги осудили. А вот мама сказала, что это к лучшему. Ей Игорь нравится больше. Как думаешь, что мне всё-таки делать?

– Жить дальше, хорошо учиться, искать мужика покруче. Пока его нет, можешь трахать любого из своих отщепенцев.

– Спасибо за совет... А что у тебя нового?

– Ариэль Шарон умер. Криштиану Роналду, наконец, получил второй «Золотой мяч»...

Юля засмеялась, тряхнув невымытой головой.

– Ну правда? – сказала она. – Ты всё с Вероникой?

– Мы давно расстались. Я трахаюсь с разными женщинами. Неделю почти отсутствовал дома. Суды, переговоры и бумаги.

– Ты не скучаешь по Веронике? Я всегда очень скучаю по своим бывшим. Они у меня все такие хорошие...

– Не скучаю.

– Это очень жестоко: сказать так о женщине, с которой ты столько времени был вместе.

– Я Акемгоним Горгоной, и мне наплевать. Кстати, мы даже года не были вместе.

– Да? Мне казалось, дольше...

– Сколько можно было тянуть резину? Ей пора замуж. Шутка ли, уже тридцать пять бабе. Акемгоним побоялся отравиться и заказал «четыре сыра». Маниакально следившая за фигурой Юля ограничилась кофе.

– И потом, у большинства людей хромает коммуникационный навык. Если мужчина трахнул женщину, это, скорее всего, значит, что им надо побыстрее расстаться. У Набокова хорошо сказано об этом. Дескать, спасибо, барышня, мелькнули ваши ноги, а теперь чао-бамбино.

– Мне кажется, из тебя получился бы хороший писатель.

– Я слишком люблю деньги.

– У тебя оригинальный взгляд на жизнь. Ты хорошо образован, эрудирован и интересно судишь о людях.

– Хватит подлизываться.

– Неужели у тебя совсем нет желания написать книгу? Ты мог бы описать свою жизнь.

– Кому, на хрен, интересна моя жизнь? Я работаю по тринадцать часов в сутки.

– Но, кажется, остальные одиннадцать ты проводишь со вкусом.

Юля попробовала чарующе взглянуть на Горгоноя.

– Большую часть из них я сплю.

– Находишь же ты время сидеть с хорошенькими девушками в кафе!

Смеясь, Юля запрокинула голову назад, открыв пока еще молодую шею. Этот типаж рано портился. Юле оставалось ходить без морщин на шее всего пару-тройку лет.

– Сегодня воскресенье. Человеку велено отдыхать, и для этого создана женщина.

– Ты и диссертацию не пишешь? На какую она тему? Я забыла...

– «Мужское право на „лево“ и способы его юрисдикционной защиты».

– Хватит прикалываться!

– Что-то там про юриспруденцию.

– Нет, диссертация это скучно. Напиши книгу про свои воскресенья.

– Я слишком люблю книги, чтобы писать их.

– Знакомая фраза... Откуда она?

– «Портрет Дориана Грея». Я готовился к отмененному спектаклю.

– Что-то не помню там такого...

– Генри произносит ее в начале книги. А затем говорит, что хорошо бы написать волшебный роман типа персидского ковра.

– Вот и напиши такой роман!

– Осталось разобраться, когда его писать. По воскресеньям разве что. Опять же, убиться какое интересное чтение. О юристе, который шесть дней вкалывал по тринадцать часов. А по воскресеньям сочинял роман.

– Надо один год гулять по воскресеньям, а в следующем году записать, что ты натворил в прошлогодние воскресенья.

– Можно в 2014-м я буду гулять?

– Уверена, это будет клевая книга!

– Боюсь, эта книга создаст неправильное представление о юристах. Мол, юристы только и делают, что болтают в кафе с хорошенькими женщинами.

– Но ты же с хорошенькими женщинами не только болтаешь!

– Иногда я трахаю хорошеньких женщин в более-менее подходящих местах.

– И когда ты в последний раз трахал хорошенькую женщину?

Юля была малопродуктивна. Такие любили говорить о сексе больше, чем заниматься им.

– Позавчера вечером, Инну, мою бывшую студентку. Я учил ее на семестр позже, чем тебя.

– Ты грязный негодяй!

Тонкие губы Юли расплзлись в похотливой улыбке.

– Ага, – сказал Горгоной.

– Раствитель!

Юля прищурилась и закосила глазами. Акемгоним подмигнул жутко накрашенным малолеткам лет восемнадцати за столиком рядом.

– Она влюблена в тебя?

– Вряд ли она усыплет мой труп розами. Но она бежит за мной, как ужаленная. А я просто трахнул ее в канун Нового года.

– Точнее, новогодним утром, – произнес Горгоной, вспомнив отвисшие сиськи Аллы.

– Или новогодним днем, – сказал он, будто вживую увидев, как Яна лизала перила. – Короче, 1 января это было.

– Это же целое событие в ее жизни! Говорят, как встретишь Новый год, так его и проведешь. Эта история с Инной станет украшением твоей книги. Так она твоя девушка, что ли?

– Она просто бежит за мной.

– И есть у нее шансы?

– Что я ее снова трахну? Есть.

– Опиши в романе свою жизнь, хотя бы на выходных!

– Тогда он получится неполиткорректным. И неприличным.

– Гадким и мерзким.

– Шовинистическим и сексистским.

– Наверняка он многим понравится.

– Сомневаюсь, что кто-то начал бы думать обо мне лучше после этого романа.

– Я буду этим кем-то.

– Это бодрит, принцесса.

– А как ты назовешь роман?

– Я бы назвал его «В поисках Гоморры».

– Почему именно так?

– Вариант не хуже других. Все мы знаем, что такое содомский грех. Содом погиб, ибо горожане чпокались в задницу. Но мало кому известно, за что была уничтожена Гоморра. За дьявольское честолюбие, убийства, травлю людей псами, сатанизм, нечестную игру в кости, братоубийство?

– И твой роман будет...

– О чувственной стороне жизни. О поисках изощренных форм греха. Нечто вроде книги, подаренной лордом Генри Дориану. Грязная книжка.

– Чёрт, Акемгоним, как круто! Ты обязан ее написать!

– Что я получу взамен?

- А что бы ты хотел?
- Минет.
- Ну-у-у...
- Минет авансом. Сейчас.
- Прямо сейчас? – спросила Юля дрогнувшим голосом.
- Пойдем в туалет, и дело с концом.
- С концом.
- Женщина липко засмеялась и сглотнула.
- С концом, да. Решай: сделаешь минет, и я буду писать книгу. Ее судьба в твоих руках.

И губах.

- Но Игорь...
- Я же не трахаться предлагаю.
- Всё равно, Игорю это было бы неприятно...
- А где твой Игорь? Ты сидишь передо мной в этой короткой юбочке. Я то и дело гляжу под стол. Пускаю слюни. Ножки у тебя супер. Мой член уже размером с Флориду. А Игоря почему-то нет.

– Пойдем, – сказала Юля и мокро взяла Горгоноя за руку.

Они прошли через зал и свернули в небольшой коридор. Акемгоним пропустил Юлю в мужской туалет – отдельную комнатку, где стоял запах хлорки.

– Вымой руки, – сказал Горгоной.

Юля послушалась. Акемгоним помог женщине расстегнуть его джинсы.

– Ты очень хочешь прочесть этот роман, да? – спросил Горгоной.

Женщина встала на колени. Акемгоним спустил трусы и поднес немного эрегированный член к ее рту.

– Так, – сказала Юля.

– Почему люди не умнеют, а? – сказал Горгоной. – Я же уже прокатил тебя однажды.

Неужели ты думаешь, что я изменился?

Акемгоним натянул трусы, джинсы и поднял Юлю с колен.

– Твоя цена за роман недорога, – сказал он. – Писать мне лень. Лучше поехали на «мерсе» кататься. Заодно отвезу тебя домой. Если ты очень хочешь занять рот, съедем по мороженому.

24 января

«Заметка о фильме «Антихрист»

«Что касается злости женщин, то в Книге сына Сирахова (Сир. 25) говорится: «Нет ничего хуже злобы женщины. Соглашусь лучше жить со львом и драконом, нежели жить со злой женой». В дополнение к этому там же говорится: «Всякая злость мала по сравнению со злостью женщины».

Поэтому-то Иоанн Златоуст в поучении на Евангелие от Матфея (Мат. 10) увещевает: «Жениться не подобает. Разве женщина что-либо иное, как враг дружбы, неизбежное наказание, необходимое зло, естественное искушение, вожденное несчастье, домашняя опасность, приятная поруха, изъян природы, подмалеванный красивой краской?»

Я. Шпренгер, Г. Крамер «Молот ведьм». Часть первая, вопрос шестой («О ведьмах, предающихся демонам»).

Чем умнее считает себя женщина, тем труднее ей испытать оргазм. Чем умнее мужчина, тем сложнее ему стать женщине подружкой. Вашей женщине будет с вами чуть легче, если вы иногда будете ей подружкой. Если вы думаете, что я пишу ересь, значит, вы по моим меркам глупый. Умный мужчина знает, что бывают ситуации, когда надо поглупеть.

Умных женщин не бывает вовсе. Все претензии адресуйте Господу Богу, природе, ктулху или во что вы там верите.

«Антихрист» это фильм о многом. О том, что Адам и Ева были счастливы в Эдеме, потому что у них там не было детей. О том, что современные супруги изгоняются из подчас с трудом выстроенного рая после рождения ребенка. О том, что с его рождением можно забыть о беззаботном сексе. Иногда говорят, что в этом случае следует забыть о половой жизни вообще – нет, ей вполне можно заниматься, но либо на стороне, либо всегда беспокоясь, чтобы кое-кто не выпал из окна.

Это лента о том, что женщины гораздо говорить, будто мужчины всегда далеки от них и их детей, а еще будто они почти никогда не интересуют мужчин. О том, что женщина обычно сильнее переживает смерть своего ребенка, чем мужчина. Мужчина всегда может прикрыться словами набоковского героя о том, что усопший мальчик не будет курить, хамить, прыщаветь и заглядывать за женские декольте. Попутно он будет рассуждать о том, что скорбь это не болезнь, а здоровая реакция, которую нельзя излечить, да и не нужно.

Это кино о том, что в случае, когда женщина говорит вам, что едет писать диссертацию в глушь, и просит не мешать, надо мыслить женскими категориями и через пару дней отправиться мешать».

В кабинет Акемгонима заглянула секретарша Полина. Лицо женщины было наштукатурено. Очевидно, ее ждало приключение с каким-нибудь лохом.

– Акемгоним Валентинович, вам письмо, – сказала Полина, вручила Горгоною розовый конверт и удалилась. Для толстой женщины у нее была слишком маленькая грудь.

В конверте лежало письмо от Инны. Сильнее Инны Акемгону осточертели только новости про застопорившееся расследование дела «Гниющей базилики».

«Ей хочется именно этого, а не закончить диссертацию; в противном случае бегите от нее, не оглядываясь: с ней что-то не так в степени, которая не позволяет надеяться на приведение ее в адекватное состояние. Если вы не приедете, она в лучшем случае поду-

мает о походе налево. В случае средней паршивости она найдет себе любовника. В худшем случае ваша суженая займется самокопанием, найдет в себе кучу недостатков, каковые спроецирует на весь женский род, свихнется, будет слышать крики своего ребенка, когда он мирно играет рядом, и, наконец, объявит природу церковью Сатаны. Потом она не остановит ребенка, когда вы будете утешивать ее, а наследничек полезет в окно. Вследствие этого она будет долго метаться, загонять себя депрессивными мыслями и отравит вашу совместную жизнь. Удовлетворение и забытье ей будет приносить только секс, но он же будет постоянно давить на ее чувство вины, ибо из-за чрезмерного увлечения им погиб ее ребенок. В конце концов, она не просто тронется, но соскочит с ума кверху пятками и даже отрежет себе клитор – видимо, чтобы избавиться от плотских искушений и наслаждений. После этого вы ее задушите: кому же нужна женщина без клитора?

Отдадим должное выдержке героя фильма – например, Отелло задушил бы свою супругу гораздо раньше, потому что любой нормальный мужчина склонен ревновать любимую женщину к ребенку (пусть даже любимому). Вы скажете, что он уже не любит свою супругу? Уверяю, вы ошибаетесь. Если мужчина не бросает женщину, больную и подавленную, пытается вылечить и всячески поддерживает (хоть и с изрядной долей самолюбования), он ее любит. Просто мужчины в таких случаях называют любовь чувством долга.

«Антихрист» напоминает о старой, как мир, истине, согласно которой женщины любое расставание по инициативе мужчины склонны с чувством собственного достоинства передавать словами «Ты меня бросил». Даже если жена была неверна, если она алкоголик, не впускает мужа в дом или еще что – он ее именно бросил, раз сам ушел. Все же женские истерики, подлости, предательства и прочие дурные поступки можно объяснить, выражаясь словами героини фильма, природой всех сестер, то есть постменструальным синдромом или климаксом.

Ларс Фон Триер рассказал мрачную историю о том, что женщина почти всегда стремится приковать к себе мужчину. Иногда красотой, порой совместным бытом, зачастую иллюзией собственной незащищенности и слабости, еще чаще детьми. Когда всё перечисленное не удается реализовать в должной мере или оно рушится, она, чёрт возьми, всё с той же целью просверлит вам ногу и вставит в нее стержень с точильным кругом на конце. Когда же вы дадите-таки деру (в ее понимании совершенно внезапно), она будет кричать вам вслед, что вы подонок и бросили ее; а если вы не потрудитесь убежать далеко, она будет искать вас с лопатой наперевес».

– Акемгоним Валентинович, – сказала трубка голосом hr-менеджера, – к вам девочки пришли на собеседование.

Недавно ассистентка Горгона Карина попросилась в двухнедельный отпуск. Акемгоним ежегодно был в отпуске полторы недели. Более длинный отдых Горгоной считал излишеством. Акемгоним отказал, тогда Карина заявила, что должна повезти сестру на море. Теперь Горгоной искал новую помощницу.

У первой кандидатки был соответствующий номеру размер груди. Еще у нее были рекомендации профессоров Акемгонима и отличная зачетная книжка. Пришлось завалить ее вопросами обжалования банкротных судебных актов.

Вторая оказалась еще более тощей. Документы этой говорили, что она профессуре не сосала. Ее Акемгоним шокировал расспросами о кассационных инстанциях в гражданском процессе.

Третья была пофигуристее. В правовых материях она была абсолютный нуль. Круги вокруг ее глаз свидетельствовали о недосыпе или болезни почек.

– Вы работали где-нибудь? – спросила hr, заметившая, должно быть, падение уровня интеллекта в кабинете.

– В фирме «Мартынов и партнеры», – сказала девица.

Горгоной долгое время отмахивался, слыша эту фамилию. Он закончил юридический факультет Университета годом раньше Льва Мартынова. Однако Акемгоним знал иные сюжеты биографии Петровича, как Мартынова называли в юридической тусовке.

Мартынов чуть ли не с первого курса трудился в большой российской юридической фирме. Должность юриста Мартынов занял пятикурсником. Его однокашники из богатых семей аккуратно начинали подыскивать работу. Университет Мартынов закончил в двадцать один год. В двадцать четыре Петрович стал адвокатом. Через несколько месяцев он возглавил судебную практику фирмы, где работал. Мартынов зарекомендовал себя подонком, карьеристом и выскочкой.

Отработав год в новой должности, Мартынов затребовал партнерский статус. Как впоследствии рассказывал Петрович, статус ему обещали, но через год. Гарантий партнерства не было, и Мартынов ощутил вызов. Он захотел реализовать себя не только как юрист.

За рамками юриспруденции Мартынов выглядел пустышкой. Человеком он прослыл скучным и занятым лишь карьерой. Петрович дневал и ночевал в офисе. Он не женился. Женщин Мартынов не любил, просто трахал. Хобби он не имел. Свободное время Петрович коротал на унитазе, читая журналы.

Внешность Мартынова была заурядная: очастый, лысый, длинный, смахивавший на Арсения Яценюка – кстати, тоже Петровича. Выдающимся умом Мартынов, по слухам, не блистал. Казалось, ему оставалось только продолжать работать юристом.

Однако Петрович сочинил ресторан, где можно было есть, восседая на унитазе. Эта мысль пришла ему ранним субботним утром. Дописывавший большое юридическое заключение Мартынов пошел опорожнить желудок. Сидя на унитазе, Петрович кушал доставленные в офис роллы. Идея ресторана поразила Мартынова новизной. Опроставшись, съев роллы, дописав заключение, Петрович направился искать компаньонов.

Все его друзья-товарищи струсили, не прониклись идеей. Петрович стал тратить час в день на анализ информации о ресторанных услугах Москвы. При этом он восседал на унитазе, заручаясь благосклонностью гения места.

Мартынов получил несколько консультаций экспертов. Все заверили его, что идея не стоила ломаного гроша.

Петрович отличался двумя чертами, близкими к абсолютным. Любую свою идею он полагал гениальной; реализуя ее, шел до конца.

Мартынов запустил-таки этот проект, и ресторан стал бомбой. Струсившие эксперты и друзья-товарищи зачастили пожарть-посрать. Петрович утверждал, что дело в названии: заведение именовалось «Туда-сюда».

Конечно, Мартынов лукавил. Успех ему обеспечила любовь мужчин к посиделкам на толчке. Хотя это не было заявлено изначально, ресторан вскоре стал мужским клубом.

Хорошее кондиционирование, меню освежителей воздуха делали легким изысканное сочетание почти несовместимых раньше занятий. Официанты доставляли еду через люки, исключавшие зрительный контакт с ними. Мощная шумоизоляция глушила звуки из других кабинок. Кабинки оборудовались видео-конференцсвязью, чтобы сотрапезники при желании беседовали. Гости могли воспользоваться комплиментами: слабительными либо антидиарейными препаратами – фармацевтическими и бытовой рецептуры.

Петрович разбогател, стал частью медийного истеблишмента. В глазах общественности это не добавило ему ума и светского лоска. Мартынова окончательно стали почитать беспардонным типом и нуворишем. Партнером его не сделали. Напротив, старшие коллеги выгнали Мартынова из фирмы, посчитав чересчур одиозным.

Зато интервью Петровича опубликовал «Сноб». Playboy напечатал пару его рассказов. Акемгоним считал, что Esquire вскоре обрадует читателей правилами жизни Мартынова.

Петрович основал юридическую лавочку имени себя. Собственных клиентов у «Мартынова и партнеров» было немного. Преимущественно адвокаты фирмы занималась юридическим обслуживанием деятельности «Туда-сюда».

– И как вам работалось? – спросил Горгоной.

– Супер! Мечтаю еще раз так попрактиковаться. Очень сильные литигаторы!

– Если выделить главную отрасль специализации, то чем вы занимались у Мартынова?

– Если главную... Антимонопольное, международное, лесное... Еще трудовое, административное...

– Почему вы оттуда ушли? – спросила hr.

– Сейчас... – сказала женщина, наморщив лобик. – Мне еще рано так вкалывать.

– Приходилось много работать? – спросил Акемгоним.

– Очень! Днем и ночью!

– Есть мнение, что такой режим помогает достигнуть цели в консалтинге. Это хороший вариант построения карьеры, – сказал Горгоной.

– Ну а достигнуть цели анорексичным трупом очень идеально!

– Охарактеризуйте себя как человека в нескольких словах, – сказала hr.

Кандидатка опять наморщилась.

– Назовите ваши основные характеристики. Человеческие. Главные, – сказал Акемгоним.

– Главные? Лидер. Альтруист. Вегетарианка. Еще?

– Достаточно. Я позвоню, если для вас будет место, – сказал Горгоной. Он бы не возражал стать молочным родственником Петровича.

– Отстой, – сказал Акемгоним hr напоследок. – И врушка. Вегетарианка она, с такими-то буферами. Ей надо в африканские президенты баллотироваться. Там сейчас модно выбирать женщин.

Вернувшись к себе, Акемгоним прибавил громкость. Заиграла пластинка «Rush» «Snakes and Arrows».

«Еще «Антихрист» – фильм о том, что антихрист это не Сатана. Можно сколько угодно раз повторять как мантру растиражированные слова фон Триера, что в основе ленты лежит гностическая идея о том, что мир создан не Господом, а злым демиургом – дьяволом, но верить этим словам не стоит. Во-первых, это ерунда, а во-вторых, слова автора о собственном произведении не имеют значения.

Сатана (он же Люцифер, он же дьявол, он же чёрт, etc.) это, если придерживаться классических представлений (а это в современных условиях наиболее стильное поведение в области мировоззрения), павший ангел, низринутый Богом с небес, нынче (как и много веков до настоящего времени и еще некоторое время после) враг рода человеческого, искуситель. Антихрист же суть лицо, которое явится на наш летающий шарик в будущем (скоро ли, неизвестно, ибо не наш удел знать времена и сроки), подомнет всех под себя и будет с дьявольской помощью недолгое время править миром, после чего в корчах зажмурится. Засим наступит конец времен и воспоследует Страшный Суд.

Учение о свободе выбора в христианстве позволяет сделать вывод о том, что благочестивое поведение котируется гораздо выше, если человеческая жизнь сопровождается искушениями. Ведь если бы вера всех была несокрушима в силу природы человека, а искушений не было, то повсеместная святость была бы заслугой исключительно Бога. Так и человека можно назвать другом только после некоторых испытаний, ибо дружить нетрудно, когда жизнь легка.

Антихрист не родится с печатью такового; обратное противоречило бы свободе выбора. Ведь антихрист будет человеком, ergo он будет обладать душой, а ни одна душа не может явиться в этот мир загубленной (что не исключает бремени первородного греха на каждом человеке). Однако поскольку кто-то приходит в этот мир с даром к живописи,

а кто-то – к публичным выступлениям, можно предположить, что у некоторых младенцев шанс стать антихристом чуть выше, чем у других. Допустимо даже представить, что у нескольких (единиц, десятков или сотен) детишек такие шансы намного выше, чем у остальных».

– Эй, народ! – закричал в коридоре один из молодых ушлёпков, набранных другими партнерами. – Кто хочет сегодня в кино? Мы собираем компанию!

– Твою мать, не ори, зачекан! – крикнул Горгоной. – Имбецил недотраханый! Свою мать в кино отведи! И поимей ее там!

Он выкрутил басы, и пол заходил ходуном.

«Быть может, «Антихрист» лента женоненавистническая; представляется, однако, что в гораздо большей степени это лента детоненавистническая. Ведь всё, что случилось в фильме плохого, вышло из-за ребенка. Заметьте, «из-за ребенка», а не «из-за смерти ребенка». После смерти ребенка его мама прыгнула с ума окончательно; но уже после его рождения она надевала ему правый ботинок на левую ногу.

Деформация стопы это страшный символ. У дьявола, насколько известно, вместо ступней копыта, прямо как у крупно-рогатого скота. Почти каждая женщина способствует тому, чтобы ее ребенок стал антихристом. Антихрист, по моему убеждению, должен выйти не из низов общества, не должен испытывать особенных лишений в детстве, а будет любим и окружен заботой. В противном случае все его преступления можно будет списать на тяжёлое детство и полную тягот юность. Особенная его мерзость проявится в том, что из добра вырастет зло.

«Антихрист» вообще полон символов; часть из них поддается вполне прозрачной трактовке, другие рождают несколько интерпретаций. Меня особенно восхитило то, как три золотистого цвета статуэтки с протянутыми руками, опрокинутые Ником за несколько мгновений до гибели, оборачиваются тремя нищими. Нищие представлены в виде самки оленя с наполовину вышедшим из утробы мертвым олененком (Скорбь), мертвого пожирающего самого себя лиса, который вместо «фыр-фыр-фыр» заявляет, что хаос правит всем (Боль), и похороненного заживо в лисьей норе (пристанище Боли) ворона (Отчаяние). Потерявший ребенка родитель скорбит, боль пожирает человека, отчаяние хоронит его заживо в обители боли. Но именно отчаяние помогает герою найти разводной ключ, освободиться и задушить свою мучительницу.

Хаос, действительно, правит во второй главе, которая являет зрителю вакханалию смерти и боли. Предвестием будущего кошмара мелькает лисья нора (из которой, кстати, видела себя идущей по Эдему введенная в транс героиня). Вскоре после этого мы наблюдаем мертвое дерево, бессмысленно устремившее вверх свои сухие ветви. Высунутую в окно руку главного героя облепляют клещи. Мертвого птенца, вытравившего из гнезда, начинают пожирать муравьи, а затем им обедает хищная птица. Наконец, героиня говорит, что дуб размножается невероятно жестоко, потому что из десятков тысяч желудей прорастает лишь один, а остальные приговорены к смерти (откуда и появляется с чисто женской логикой обоснованный вывод о том, что природа суть церковь Сатаны).

И всё это, подумайте только, из-за смерти ребенка. Или из-за самого ребенка. Или из-за похоти. Или потому, что из ребенка могло кое-что вырасти, но трое нищих протянули руки и забрали его раньше назначенного срока в числе прочих осыпавшихся на крышу желудей, которые образуют музыку ничуть не менее красивую, чем ария, под которую Ник летел навстречу собственной смерти, его родители занимались сексом, а десятки возможных будущих детей умирали, не оплодотворив выносившую несостоявшегося дьяволенка женщину.

Не бойтесь родить антихриста, бойтесь его воспитать».

25 января

– Прекрасно выглядишь, – сказал Горгоной Марине.

Она была худая, плоская и нескладная. Из всех женщин на свете Марина заинтересовала бы Акемгонима последней. Это была отличная компания для вечера, если продолжения не хотелось.

Марина работала юристом в Фирме Горгоноя. Ей было двадцать четыре. Год назад она стала женой юриста Акемгонима Зямы. Почему-то молодожены скрывали этот факт от коллег. Горгоной узнал случайно. Однажды Зяма принес ему флешку с документами. Кроме сотен папок от доверителя Акемгонима там был ярлык «Венчание Марины и Зямы». Горгоной сделал вид, что не заметил его.

– Здравствуйте, Акемгоним Валентинович! – сказала Марина. – Спасибо большое!

Они вышли из метро на Тверскую. Еще стояли крещенские морозы. Одежда закрывала толстые скверно выбритые женские ноги, морщинистые шеи и плоские груди. Горгоной любил зиму.

– Я сегодня общалась по Skype с подругой моей мамы, которая уехала к своему любимому человеку в Австралию, – сказала Марина.

– Сколько лет подруге?

– Когда уехала, было чуть за сорок. Она никогда не была замужем до этого.

– Давно она уехала?

– Года четыре назад.

– Значит, уже не вернется.

В театре Ермоловой давали «Гамлета». Сдавая пальто, Акемгоним заприметил тарашившуюся на Марину Веронику. На Веронике было самое развратное ее платье. Горгоной удивился, что она была еще жива. После расставания женщины для него будто умирали.

– Вы знаете эту девушку? – спросила Марина.

– Скорее, женщину. Знал. Она была моей любовницей.

– Может быть, нам нужно поздороваться?

– Нет. Не волнуйся. Она тебя не убьет.

Акемгоним припомнил, что дочери Вероники уже исполнилось семь лет. Следовало отхендожить ее разок-другой лет через десять-одиннадцать.

– Как ваша диссертация?

– Очень продуктивно.

– Какая у вас тема?

– «Мужское право на „лево“ и способы его юрисдикционной защиты».

Марина рассмеялась, обнажив кривые зубы.

– А эта ваша бывшая... подруга наверняка думает, что я ваша новая подруга?

– Еще бы, ведь ты настоящая красавица.

Марина крепче схватила Горгоноя под руку.

Когда они вышли на улицу после «Гамлета», Марина сказала:

– Ваша бывшая подруга косилась на нас весь спектакль.

– Правда?

– Она сидела на одном с нами ряду, через проход.

– Бывают же совпадения. Пойдем ужинать? Не торопишься?

– С удовольствием! Как вам спектакль?

«Акемгоним Валентинович, я соскучилась... Вы сейчас где?» – прочитал Горгоной сообщение Инны.

– Гамлет пока не звезда. Как большинство еще молодых исполнителей главных ролей. Например, актеры, играющие Дориана Грея. Они молоды и не слишком заметны в тени лордов Генри.

– Кстати, в Ермоловском идет «Портрет Дориана Грея». Вы смотрели?

– Собирался на минувших выходных. Его отменили, кто-то из актеров заболел. Лорд Генри там Олег Меньшиков.

– Он здорово сыграл бы самого Дориана лет двадцать назад.

– Уже тридцать. Хью Грант в молодости тоже подошел бы.

Акемгоним и Марина зашли в хинкальную поблизости от театра. Там Горгоной не боялся отравиться. Однажды давняя подруга Акемгонима Валя сделала ему там минет. Это было утром после какой-то вечеринки.

– Говорят, Шекспира нужно читать в оригинале, – произнесла Марина, когда они сделали заказ.

– Я читал «Гамлета» одновременно на английском и в переводе Лозинского. Это оказалось полезно. Я открыл для себя кое-что интересное.

Вот пример. Считается, что Призрак это тень отца Гамлета. Хотя это далеко не очевидно. «Гамлет» создан четыреста лет назад. Тогда влияние христианской религии на искусство было значительным. С точки зрения христианства, убийство и месть это весьма нечестивые поступки. Дух умершего человека вряд ли может требовать их совершения. Опять-таки, в христианской традиции.

Я понял это не сразу. Лишь когда увидел, что в английском тексте Призрак именуется «it». Гамлет поначалу тоже чувствует неладное. Встретив Призрака, он рассуждает: «Блаженный ты или проклятый дух, овевая небом иль геенной дышишь...».

Зазвонил iPhone Акемгонима: Инна, вероятно, хотела секса. Горгоной сбросил звонок.

– Однако Горацио принц сообщает, что это настоящий дух короля. Читатель начинает этому верить. Хотя самого Гамлета еще колбасит. Помаевшись, он хочет новых доказательств. Гамлет затевает инсценировку сюжета, похожего на рассказ тени. Он рассуждает, что будет, если король высидит пьесу и не содрогнется. И решает, что тогда сказанное Призраком окажется ложью. В этом случае Призрак должен быть Люцифером. Или его посланником.

Но ближе к финалу трагедии Гамлет оставляет сомнения. Принц становится одержим убийством дяди. В конце он заявляет Горацио, что ему помогает само небо.

Горгоной доел сулугуни и принялся за хинкали.

– Я думаю, Гамлет ошибся, – сказал Акемгоним. – И большинство читателей вслед за ним. Мол, раз дух сказал Гамлету правду, то это его отец. Но Призрак, как мы знаем, бесплотен. Он может появляться всюду. Призрак элементарно мог быть свидетелем убийства отца Гамлета, только и всего.

– Вы очень хорошо знаете текст.

– Перечитывал на каникулах. Еще читал Артура Манбаха.

– Акемгоним! – воскликнула шедшая мимо дылда с плоской грудью и кривыми ногами. Дылда была весьма поддата и отвратительно мелирована. – Сколько лет, сколько зим! Как поживаешь?

Это была Стелла, которую Горгоной хендожил еще в Университете. Стелла отличалась богатыми родителями и непроходимой фригидностью. Когда-то спортивный интерес Акемгонима заключался в том, чтобы доставить ей оргазм.

Поначалу Горгоной довольно жестко трахал Стеллу. Затем он углубился в телячьи нежности. Оргазма не было.

Акемгоним усилил дозу романтики. Он дарил Стелле цветы, водил по театрам и ресторанам. Горгоной окуривал ее палками-вонялками, накачивал шампанским, засыпал лепестками роз, жег свечи – всё было тщетно.

Горгоной обратился к унижениям и жестокостям. Он шлепал любовницу, связывал, приковывал наручниками к батарее, заставлял делать ему глубочайший минет. Горгоной до крови разбивал влагалище и анус Стеллы членом. Акемгоним таскал Стеллу за хвост, капал на женщину раскаленным воском, облегался, испражнялся. Она давала слабенючую течь.

Они занимались сексом на лестничных площадках, в туалетах ресторанов и кинотеатров. Горгоной трахал Стеллу на крыше ее дома и в университетских аудиториях. Он имел любовницу в постели ее сестры. Сестра разбилась в горах за пару лет до того. Стелла не меняла постельное белье, хранившее тепло усопшей.

Она сосала у Горгоноя в парках и разок на мосту. Все раки мира обсвистелись, Стелла не кончала.

Акемгоним трахал ее горизонтально, вертикально, диагонально. За год Акемгоним облизал любовницу целиком. Он ковырял дыры Стеллы фаллосами, пальцами и некоторыми экзотическими вещицами. В этом списке значились радио-телефон, молоток для отбивных, боулинг-кегля и ухо Горгоноя. Всякий раз Стелла застенчиво лыбилась и говорила, что уже почти.

Они трахались в компании других пар, заказывали шлюх, стриптизерш и Любу. Это была подруга Стеллы. Люба обладала грудью пятого размера и невероятно чувствительным клитором. Горгоной отдыхал душой в ее компании.

Женщины, с которыми Акемгоним изменял фригидной любовнице, поражались, где он выучился такому числу разнообразных непристойностей.

Наконец, Горгоной выкинул белый флаг и перестал хендожить Стеллу. Та заболела маниакально-депрессивным психозом. Еще год она слала Акемгониму трогательные письма.

– Благодарю, неплохо, – ответил Горгоной Стелле.

– Ты даже не спросишь, как дела у меня?

– Извини, как-то не догадался.

– Так ты знай, что дела у меня превосходно! Меня любит мой молодой человек, и у меня отличная работа!

Стелла присела на диванчик Марины и рыгнула.

– Очень рад за тебя.

– А ты всё там же работаешь? Всё юристом?

– Вроде того.

– За тебя так никто и не вышел замуж?

– Никто.

– Что с тобой не так, Акем? С тобой что-то не так, почему ты до сих пор не женат? Это твоя новая девушка?

– Не такая уж и новая, – сказала Марина.

– Послушай совета женщины, которая тебя любила: женись уже. Тебе пора нести ответственность за кого-то еще, кроме себя, любимого... Ты слишком легко живешь. Думаешь, ты никому ничего не должен? Ты должен обществу, государству... Всем тем, кто тебя окружает. Если мужчина в твоём возрасте не женат, с ним что-то не так...

Стелла выдохлась и перестала шевелить тонкими губами, над которыми Акемгоним разглядывал усы. Видимо, МДП стали лечить гормональными.

Несколько секунд все молчали.

– Ты ничего не скажешь? – произнесла Стелла.

Она выросла на фильмах типа «Последнего самурая» и «Маджестика».

– У тебя ширинка расстегнута, – сказал Горгоной.

Рука Стеллы дернулась вниз.

– Какой же ты урод, – сказала она и косолапо пошла на выход, застегивая молнию.

– Сегодня просто какой-то день встреч, – произнесла Марина. Судя по голосу, ей было неуютно.

– Ты круто мне подыграла. Мы с ней были вместе чертовски давно. Она, видишь ли, не красавица. Денег было мало. Красавицы были потом. Она постоянно самоутверждалась. Вечно долдонила: «Я сильная. Я справлюсь». Хотя проблемы у нее отсутствовали вовсе. Она уродилась с золотой ложкой во рту.

Сперва я терпел эти мантры, потом устал. Всякий раз, когда она заявляла, что сильная, я мучил ее. Заставлял рыдать в тот же день. Полагаю, она и сейчас ревет.

– Вы очень жестоки.

– Это нравится женщинам, большинству. Ты допила чай? Поехали, я отвезу тебя домой.

26 января

Горгоной проснулся от резкого толчка и матерного крика всерьез напуганного человека. Он сообразил, что лежал на заднем кресле такси. Автомобиль стоял на месте.

Горгоной взглянул на телефон. Час назад он расстался с Мариной у ее дома в трущобах Алтуфьево.

– Врезались? – спросил Горгоной.

– Да немного, зараза, на льду поехали, – сказал водитель.

Горгоной посмотрел в окно. Его дом был шагах в трехстах от места аварии. Он сунул шоферу ярославскую купюру и вышел на улицу.

– Да вы погодите, машина-то на ходу, – сказал шофер ему вслед.

Уходя, Акемгоним заметил шедшего к такси водителя другой машины. В руках тот держал битую.

Было холодно, через смог проглядывали звезды. Акемгоним припомнил, как два года назад бросил в Тайланде свою любовницу Ирину, модель. Скачок температур был в пятьдесят градусов. Горгоной не успел тогда заехать домой, как Борис потащил его в рестораны и массажные салоны. Результатами были несколько стычек, драка, значительное число мужских и женских оргазмов. Борис упился до чертиков. Финальные оргазмы были делом рук и прочих членов Акемгонима.

– Массажный салон «Мягкие ручки», доброй ночи! – влажно и немного тревожно сказал iPhone женским голосом. Наверное, все проститутки были заняты, и администратор сама делала минет обделенному шлюхами гостю.

– Здравсьте-здасьте, это Горгоной.

– Акемгоним Валентинович, здравствуйте!

– Мне нужен четвертый размер домой. Желательно, какая-нибудь новая девочка. Через полчаса. Пусть захватит всё для маникюра-педикюра. Плачу в двойном размере, если успеет.

Едва Горгоной покормил Дункана и выкупался, как зазвучала «Rime of the Ancient Mariner». Акемгоним шесть часов мучил гомиков из сервиса переменой обычного звонка домофона на эту композицию. Однажды ночью вскоре после Тайланда Ирина захотела секса. Акемгоним тогда прослушал «Rime of the Ancient Mariner» целиком, отключил домофон и уснул. Так повторялось четыре ночи. Больше Горгоной не видел Ирину.

Из «Мягких ручек» прибыла коротконогая блондинка лет двадцати шести. Она была в рваных джинсах, полушубке и топике на голые сиськи.

– Это не четвертый размер, – сказал Акемгоним. – Но я ценю скорость. Милости прошу.

– Зато я глотаю, – сказала женщина, нагло улыбнулась и зашла в квартиру.

– Ногти глотаешь, красавица? Я маникюр заказывал.

– Любой каприз за твои деньги, красавчик.

– Как тебя называть?

– Маша.

Женщина сняла полушубок. Ее чуть висевшая грудь третьего размера сотрясалась от каждого движения.

– Привет, кот, – сказала Маша Дункану.

– Иди набирай воду, – сказал Горгоной. – С пеной.

– Погорячее? Или как ты любишь?

– Ванна для тебя.

Трахать шлюху в спальне Акемгоним не хотел. Диван из гостиной он перевез в старую квартиру. В кабинет и библиотеку Горгоной обычно пускал только домработницу.

Женщина набрала ванну с пеной, разделась и забралась туда. Ее соски торчали. Акемгоним сказал:

– Ужасно. Чужая жена, голая, сидит у меня в пене.

Маша неуклюже встала и схватила грудь короткими пальцами.

– Мне уйти? – спросила она. – И откуда ты узнал, что я замужем?!

– В твои годы любая разведена или замужем.

– А вдруг я разведена?

– Полушубок новый и дешевый. Любовник купил бы подороже.

– Я замужем. Но я развожусь. А полушубок купил друг.

– О чём ты думаешь? – спросила шлюха через двадцать минут работы, когда Акемгоним поднял глаза от Esquire.

– Как трахал дочку стоматолога.

– Ты встречался с дочкой своего стоматолога?

– Я ее трахал.

– Как так получилось?

– Аккуратнее, мать твою! Говорят, у меня капилляры неглубокие. И поэтому, дескать, меня часто режут умницы вроде тебя. Так вот, срать мне на капилляры. Я хочу прожить свою гребаную жизнь без рассуждений о капиллярах. Будь добра, не порежь меня. Порежешь – останешься без чаевых.

– Извини, пожалуйста. Я буду аккуратнее.

Они помолчали немного.

– Стоматолог взялась пломбировать мне нервы без анестезии.

– И при чём тут... Погоди, нервы без анестезии?!

– Я тоже удивился. Весьма приличная была стоматология, кстати. Называлась «Корчеватель» или вроде того.

– При чём тут дочка стоматолога?

– Так больнее стоматологу.

– Ты странный.

– Спасибо за мягкость оценки.

– Ты не думал, что у девушки тоже есть чувства?

– У нас всё было по обоюдному согласию.

Когда шлюха закончила маникюр, Горгоной сказал:

– Ноги еще в порядке.

Акемгоним открыл дверь и подышал.

– Холодно, – сказала Маша, надув губы. Горгоной подумал, не выбить ли ей зубы, однако удержался.

Подняв шлюху из ванны, Акемгоним засосал ее. Брови Маши поползли вверх. Горгоной стукнул женщину кулаком между лопаток и проник языком внутрь ее рта, ощупывая неровные зубы.

– Я лишен некоторых предрассудков, – сказал он.

Маша обняла Акемгонима. Он засосал женщину снова и положил руки на ее вызывающе торчавшие груди.

– Я хочу тебя, – сказал Горгоной и погладил рыхлый живот Маши. Ее тело хорошо отзывалось на ласки.

Акемгоним пару минут целовал шлюху, затем коснулся ее выбритого лобка.

– Да, – сказала она.

Хорошо разработанная вагина женщины легко открылась навстречу пальцам Горгоной. Акемгоним посадил толстую задницу шлюхи на стиральную машинку. Лаская руками груди Маши, он стал целовать ее шею и плечи. Затем Горгоной принялся обсасывать соски шлюхи.

– Так, – произнесла Маша, когда он взял с этажерки упаковку Durex.

Надев презерватив, Акемгоним медленно вошел. Он замер на секунду и резко вышел.

– Ой, – сказала шлюха.

Горгоной поиграл членом с ее киской и вошел. Через пару мгновений он выскочил.

– Ах-х-х, – сказала Маша.

Отступив на шаг, Акемгоним поправил Durex. Зеркало сзади было потным и незрячим.

– Ну, поехали, – сказал Горгоной и вошел. Он стал легонько двигаться в Маше. Так продолжалось с минуту, затем Акемгоним вытащил.

– Господи, продолжай, – сказала женщина.

Ее руки легли на шею Горгоной – обнажилась темная морщинистая кожа подмышек. Соски женщины будто окаменели, груди тряслись. Акемгоним шептал ей на ухо скабрзности.

– О боже мой, да! – говорила Маша. – Это лучший секс в моей жизни...

Горгоной редко испытывал такое удовольствие с новой партнершей.

Шлюха, видимо, приближалась к оргазму. Акемгоним попробовал обернуться; Маша зарычала, крикнула что-то, выпихнула его из себя. Она сорвала презерватив, втолкнула Горгоной назад и задергалась. Женщина обхватила руками его подбородок. Возможно, она хотела поцеловать Акемгонима. Горгоной прижался щекой к ее шее.

Оргазм шлюхи продолжался с минуту.

– Ты бы поаккуратнее, – сказал Акемгоним. – Сейчас какой только заразы не бывает. Дай «Мирамистин», он там, на полке. Можешь тоже им воспользоваться. Я искупаюсь, потом ты.

Горгоной вспомнил фразу Кальвино о похожести чтения и секса. Мол, они раскрывали неизмеримые время с пространством.

– Почему ты не кончил? – спросила Маша.

Она протерла зеркало и стала распрямлять волосы.

– Я редко кончаю.

– Не хочешь продолжить?

– В другой раз.

Горгоной принялся вытираться. Женщина не задернула шторку и вертелась под душем. Акемгоним рассматривал ее торчавшие соски и короткие ноги. Она повернулась к нему спиной. Судя по движениям, шлюха мыла вагину. Горгоной случайно поймал отраженный зеркалом взгляд женщины.

Акемгоним проснулся от резкого толчка и матерного крика всерьез напуганного человека. Он сообразил, что лежал на заднем кресле такси. Автомобиль стоял на месте.

Акемгоним взглянул на телефон. Час назад он расстался с Мариной у ее дома в трущобах Алтуфьево.

– Врезались? – спросил Акемгоним.

– Не, этот урод под колеса прыгнул, еле затормозил... – сказал таксист.

Акемгоним посмотрел в окно: урод тер его стекло.

– Акемгоним, это я, Богдан, – сказал урод голосом знакомого Акемгонима Богдана Кривицкого. Он работал юристом в большом иностранном консалтинге. – Подбрось меня до «Туда-сюда», если не трудно, опаздываю на «стрелку».

– Присаживайся, тут ехать-то всего минуту, – сказал Акемгоним, двигаясь на левое заднее кресло. Богдан грузно для очень худощавого человека забрался в салон. Он скрипнул чем-то, забормотав проклятия крещенским морозам.

– Добро пожаловать, – почему-то сказал Богдан. Он был закутан в шарф по самые глаза.

– Всё нормально, это мой друг, – сказал Акемгоним шоферу. – Так обрадовался мне, что давай под колеса скакать.

– Что хорошего? – спросил Акемгоним. Он давно не видел Богдана.

– Да всё одно и то же, сплошные мытарства. Сегодня вот хоть разок выбрался.

У «Туда-сюда» Богдан поблагодарил и вышел, напоследок скрипнув. Акемгоним поехал дальше. Во избежание неожиданностей он поостерегся спать. Акемгоним включил плеер – заиграл финал недослушанной им утром «The Rover» «Led Zeppelin».

29 января

– Ума не приложу, как эта девочка вообще решилась ехать к тебе встречать Новый год, – сказала Валя и заказала какую-то премудрую ананасовую штуковину.

– Я тоже удивился, – сказал Акемгоним и заказал побольше креветок.

В «White Rabbit» Акемгоним не опасался за сохранность желудка.

– Она считает себя твоей девушкой?

Акемгоним и Валя подружились студентами. Ввиду его незавидного финансового состояния заинтересоваться Акемгонимом-студентом можно было только искренне. Валя, однако, с начала знакомства была уверена, что Акемгоним разбогатеет.

Уже тринадцать лет они порой спали вместе и делились цитатами, фантазиями, новостями. Между такими ночами Акемгоним и Валя общались редко.

Работала Валя адвокатом.

– Не хотелось бы. Она фанат «Сумерек».

– В ее возрасте это простительно.

– Я не договорил. Она говорит «Я фанатка «Сумерков».

– Помню, я в детстве фанатела от книжки про всякую нечисть. Там описывались способы, как стать оборотнем.

– Дать волку себя укусить?

– Еще можно съесть мозг убитого волка.

– Продвинутая книга! А наиболее верный способ там описывался?

– Это какой?

– Он из древних фолиантов. Нужно сделать три вещи. Осушить кубок человека-зверя, трахнуть его женщину, а затем назваться именем волколака.

– О, буквально вчера смотрела «Californication», там Хэнк говорил, что книги о вампирах это сумеречное дерьмо, и миру не нужны новые тупые сказки на эту тему.

– Какой это сезон?

– Где он преподает в универе.

– Это третий, по-моему.

– Три женщины в новогоднюю ночь, Акем... Как это ты не занялся сексом втроем?

«Втрое-е-ем! – час назад завывал у гастронома, крестясь и тыча в Акемгонима пальцем, сумасшедший бомж, эдакий обросший юродивый. – Втрое-е-ем! Се, втрое-е-ем!».

– Я недавно занималась сексом в кино, – сказала Валя и посмотрела на Акемгонима маленькими жидко-голубоватыми глазками.

– Эта забава тебе не по возрасту, красавица. Твой убежавший супруг не одобрил бы этого.

Четыре года назад Валя, повинувшись традиционной блажи дочерей Евы, окольцевала лоха. Лохом стал ее и Акемгонима однокурсник Денис Башмаков. Развелись они спустя десять месяцев. Пока Валя была замужем, Акемгоним ее не хендожил. Тогда у Акемгонима появилось новое хобби. Он находил и трахал баб убившихся паркурщиков. Было весело топтать цыпочек, мужики которых зажмурились, делая сальто на подоконнике.

На следующий день после развода Вали Акемгоним отодрал ее. «Что ж, восставим семя нашему молочному брату Денису», – приговаривал он.

Причиной развода стало неожиданное желание Башмакова отправиться в Лос-Анджелес. Там жил его друг, который пытался снять фильм. Валя отказалась переезжать. Денис бросил практику в крупной юридической фирме, развелся и уехал. Сняв две галимые короткометражки, он выдавал их за полнометражный фильм.

Когда Валя плакала из-за развода, Акемгоним утешал ее. «Не реви, принцесса, – говорил он. – Что уж теперь. Разве это муж? Так, опера, анекдот. Тебе повезло, что вы не родили

детей. Я бы тебе не помогал. Мы даже сексом не занимались бы. У рожавших баб огромные вагины, просто колодцы, хватит их с меня. Подумай-ка вот о чём. Порой случается беда. Тогда мы говорим: „Ах, вот бы откупиться“. Но если ты в падающем самолете, откупиться затруднительно. Да что там, просто невозможно откупиться. Как и от уже падающей на тебя гигантской сосульки. И от заваливающегося на тебя строительного крана. Но жизнь всё уравнивает, красавица. И когда пришло горе, оставившее тебя живой, вообрази, что это дань смертельной беде. Дань смертельной беде, которая прошла мимо. Это падающий самолет забрал твоего идиота-мужа. Это сосулька его украла, и она тебя не прибьет. Это строительный кран утащил твоего Дениса. А ты жива. И все бабы тебе завидуют. Ведь тебя хендожу я».

– Ты ведь тоже трахался в кино?

– Я не фанат подобных мест для секса. Так, было пару раз. Кто же счастливец?

– Илья. Ты его не знаешь. Он из КВН.

– Да, не увлекаюсь. Как впечатления?

– Так себе, но для галочки стоило попробовать.

– Потрахать в кино? Или потрахать с кавээнщиком?

– И то, и другое, – произнесла Валя, смеясь. Между ее кривых зубов торчали волокна ананасов. Беспokoясь о своей дееспособности, Акемгоним предложил женщине зубочистку.

– И что кавээнщик? Ты с ним?

– Я свободна. А ты всё-таки с этой своей Инной или...?

Валя зыркнула на Акемгонима и расстегнула третью пуговицу блузки. Из блузки смотрела закованная пуш-апом выученная Акемгонимом наизусть грудь. Она была второго размера. Акемгоним любил эти сиськи.

– У меня переговоры завтра в девять, – сказал он. – И я поеду на метро.

– Я согласна. Еще подруги звали меня на открытие Олимпиады, а я решила не ехать.

– Что ж так?

– Если бы я поехала, ты сказал бы, что я дура.

– В твои годы надо меньше общаться с женщинами. Общаться надо с папиками, думающими, что ты молодая и красивая. Меня, кстати, тоже звали на Олимпиаду. Тоже подруги. С тем же результатом.

– Насколько понимаю, на лыжах ты и в этом году не поехал кататься? Хотя тебя наверняка звали подруги?

– Совершенно верно.

– И у тебя так и не появилось желание самому водить машину?

– Ни малейшего.

– Ты очень ограниченный человек.

– Да, я умею лишь пару вещей. Чесать языком, трахаться и судиться. Ну и кунилингус еще. Хотя это тоже с языком. И люблю я только несколько вещей. Фильмы, театр, сиськи, книги и деньги. Последние – больше всего. Я всегда любил только это. Эти вещи я обожаю. Плевать мне на всё другое. Вообще, чем меньше дел, тем лучше они удаются. Подсознательно женщины это чувствуют. Поэтому когда я говорю, что хорошо трахаюсь, это непреложная истина. Потому что...

– ...я великий Акемгоним, и мне наплевать?

– Я не об этом. Я...

– ...пуп вселенной, источник вечного разума, светоч и пророк, эманация Бога на земле...

– Ты знаешь слово «эманация», принцесса?

– ...герой-любовник, наследник Дона Жуана и Спинозы одновременно...

– Какие параллели... Дьявол, а не женщина!

– ...самый завидный жених во всей столице...

– Ты нынче просто сатана в раю.

Акемгоним размашистым жестом обвел зал, напоследок перевернув свою чашку горячего шоколада.

– Сатана в хлеву, – произнесла Валя, рассматривая залитую скатерть. – Ты очень забавный, Акем. Наверное, поэтому я так люблю тебя.

– Я недавно беседовал бывшую помощницу Мартынова.

– Как она тебе?

– Лыка не вяжет. Зато говорила так напыщенно, будто она, как минимум, Жанна д'Арк или Ванга. Но красотка.

– Ты знаком с Мартыновым?

– Нет, а ты?

– Знакома.

– И как он?

– Красноречив, но мелковат.

– Мелковат?

– В нём как будто нет породы. Он даже роста высокого, а кажется каким-то мелким.

– Критерии женской породы я еще знаю. Это, скажем, умение организма полнеть в нужных местах. У породистой женщины долго не отвисает грудь. На породу женщины указывают ровные и белые зубы. Породистая баба не может похвастать гребаными усами. Но вот мужская порода определяется совсем уж интуитивно.

– Естественно, ее же определяют женщины. Мы почти всё делаем интуитивно. Ты-то вот ни одного мужчину не признаешь породистым, кроме себя. Ты презираешь всех мужчин. Ну, кроме двух-трех, от которых зависит твоя дальнейшая карьера. И то они настолько старше, что вы попросту не можете конкурировать.

Женщина послала Акемгонию воздушный чмок. Он еще сильнее захотел Валу.

– За Мартыновым бегают Нина Кастальская, – сказала она.

Нина была первой шалавой курса Акемгонима и Вали. Учась на факультете, она была любовницей какого-то папика средней руки. Впоследствии увлечение силиконом и раскованность помогли ей оказаться эскортницей действительно значимых людей.

Акемгоним попользовал Нину, когда ей было лет двадцать. Уже тогда он мог болтовней развести на секс хоть Джоконду. На фоне папиков Кастальской Акемгоним выглядел церковной мышью.

– Разве она не замужем?

– Второй муж выставил ее на мороз.

– И она хочет подзаработать на очередной размер сисек у Мартынова?

– Кстати! Вроде на следующей неделе Нина с друзьями устраивает вечеринку в «Очке Мефистофеля». Меня позвали, хочешь, возьму тебя с собой? Мартынов тоже должен быть, Нина наверняка попробует его притащить.

– Нет уж, спасибо. Конечно, парень self-made man, и всё такое. Я это до некоторой степени уважаю. Но посещать шабаш в честь хозяина самого дорогого уличного туалета города это моветон.

– Мне кажется, ты ему немного завидуешь. Не как юристу, конечно, тут тебя трудно переплюнуть. Но он реализовался в других сферах, помимо профессии. Поэтому его не любят остальные юристы, пусть даже и успешные.

– Это яркая иллюстрация фразы Стивена Кинга о том, что жизнь может развернуться на пяточке.

– Акем, надо расширить список цитируемых авторов. Ты всех уже достал своими Набоковым и Кингом. Почитай еще кого-нибудь.

– Ты несправедлива, красавица. Весь прошлый год я сражал женщин Бродским. Правда, большинство респонденток не знали, кто это. Я выучил его стихотворение, такое огромное, что

хватило надолго. На каждом свидании вкорячивал пару рифм оттуда. Почти как Достоевский совал Христа где уместно и не очень. Так писал о Достоевском Набоков. Да послужит мне извинением то, что в этом случае он лишь цитировал Бунина.

– Что за стихотворение?

– «Большая элегия Джону Донну». Здоровенное описание всех сущностей мира, что уснули, кроме продолживших бодрствовать.

– Спать пора, уснул бычок, лег в кроватку на бочок. Поехали к тебе, Акем, я тебя трахну.

– На таблетках?

– Да, но у меня были незащищенные акты в этом году, и я еще не проверялась.

– Грязная девчонка. Спонсором этой ночи будет Dugex.

3 февраля

– Прекрасно выглядите, – сказал Горгоной.

Его кресло было у окна. По левую руку от него сидела голубоглазая длинноволосая крашеная блондинка. Ей было лет двадцать восемь. Серый брючный костюм облегал точеную фигуру женщины. Грудь номер два изнывала от пуш-апа. Неплохие физические данные перекрывало отсутствие макияжа.

Блондинка оглядела Горгоной. Он был в старых протертых джинсах и заношенном кардигане. Пальто Hugo Boss и костюм Armani висели за его сиденьем. Rolex были скрыты рукавом кардигана, плеер выглядел невзрачно.

– Спасибо, – сказала женщина без тени улыбки.

Горгоной зыркнул на ее сиськи и раскрыл Playboy.

– Надолго едете? – спросил он.

Женщина заткнула уши беспонтовыми розовыми наушниками. «Ласточка» тронулась, и Горгоной стал рассматривать фотографии playmate номера под осуждающим взглядом блондинки.

Наконец, та достала косметичку и занялась своим голым лицом. Закончив раскрашиваться, женщина принялась смотреть фильм «Вики, Кристина, Барселона» на iPad.

– Так себе кино, – произнес Горгоной, бесшумно испортив воздух.

– Что? – спросила женщина, доставая наушник из уха.

– Так себе кино, говорю. У него есть фильмы и получше.

– Знаете, я вам не указываю, какие фильмы смотреть или какие журналы читать. Альмодовар не снимает плохих фильмов.

– Режиссер этого фильма Вуди Аллен, красавица. За долгую карьеру он снял несколько плохих фильмов. Этот фильм относится к таким, на мой вкус.

Блондинка открыла и закрыла пасть. Пасть у нее была рабочая.

Горгоной разбудил звонок iPhone.

– Да, алло, – сказал он.

– Доброе утро, господин Горгоной! Вас беспокоят из службы такси, – сказал писклявый женский голос.

Горгоной взглянул на часы: ехать оставалось полчаса.

– Горгоной, – сказал он. – Моя фамилия Горгоной.

Любительница Альмодовара-Аллена уставилась на Горгоной так, будто он заговорил про минет.

– Прошу прощения, господин Горгоной! На вокзале вас встречает машина, водитель с табличкой ждет у перрона.

– Ваша фамилия Горгоной? – спросила блондинка, пахнув давно чищенными зубами.

– Да, а ваша? Вечно меня принимают за иностранца. Вы, как и я, уверены, что наиболее сексуальная характеристика понравившегося мужчины это его фамилия? Это редкость по нынешним временам. Я счастлив, что мы встретились.

– Я старшая сестра Ольги.

– Ух ты, ну бывает же! И как дела у Ольги? Да, кстати, вы меня попутали. Я не тот Горгоной, что любил Ольгу. Я близнец того парня, Ефрем.

Без подсказок Горгоной не мог упомянуть женщину с именем Ольга.

– Ольга в порядке, – чуть ли не с гордостью произнесла блондинка. – Она довольно болезненно реагировала на ваш разрыв, но сейчас она в порядке.

Под «довольно болезненным реагированием» обычно скрывался многодневный загул. В контексте этого мероприятия женщины изливали свои горести разным неподходящим

людям, злоупотребляли алкоголем, цепляли беременность, другие передававшиеся через трах хвори.

– Рад, что всё хорошо. Как вас зовут? Я, вероятно, знал, да не помню.

Женщина зло посмотрела на Горгоноя. Пожалуй, секс у нее был в минувшем году.

– Алёна. Вы были правы. Так себе кино.

– А я вам что говорил? Некоторые женщины слишком красивы, чтобы быть хорошими актрисами.

– Это вы про Пенелопу Крус?

– У Крус я вижу хорошие задатки, нивелируемые, однако, чрезмерной аффектацией ее игры.

– Она производит впечатление умной женщины. Не в фильме, а по жизни.

– Умной женщины?

– Судя по тону, вы сейчас будете кривляться на тему того, что таких женщин не бывает.

– Судя по тону, вы этого хотите?

– Ни капли. С меня хватило выслушивать всю ту дрянь, которой вы отравили жизнь моей сестре. Помните, сколько гадостей ей наговорили?

Горгоной вспомнил: Ольга была его любовницей пару сезонов назад. Девятнадцатилетняя Олечка тогда училась на юриста и работала моделью в крупном агентстве. Познакомились они на вечеринке, тогда же Горгоной добился своего. У Оли был покладистый, еще неиспорченный характер. Статуса ради Горгоной взял модельку постоянной любовницей.

Ольга была плоская и некрасивая, как значительная часть моделей. По наблюдениям Горгоноя, чаще всего эту форму занятости, рассчитывая урвать свою долю траха, избирали мальчикоподобные худышки.

Оля предпочитала слезливые мелодрамы и глупые комедии. Читала она «Поющих в терновнике» и «Анжелику».

В сексе женщина была пятым колесом, за исключением оральных навыков: моделей ее агентства хорошенько учили этому функционалу. Кинув Олечку, Горгоной полгода усматривал в этом имени анаграмму слова «бревно». Довершением бесполезности Ольги являлась ее неглубокая кривая вагина. Стоило хорошенько зайти в нее, как Оля пищала: «Мне больно!».

Ее любимым идиотизмом были слова «Дорогой, я хочу, чтобы ты взял меня так сильно, как хочешь, чтобы ты вообще не сдерживал себя... Но только пока я не скажу тебе, что пора прекратить».

Кто-то из родителей Ольги умер много лет назад, второй платил алименты до ее совершеннолетия. Горгоной забыл, откупалась ее мама или соскочила уже в начале.

Алёна жила далеко, бабушка не смогла воспитать Ольгу человеком. Голова у Оли была забита традиционной для плохо воспитанных женщин чепухой. Ей хотелось быть одновременно грязной шалавой, нежно любимой девушкой и матерью семейства.

За столом Оля нарезала еду, хватала вилку правой рукой и чавкала.

Хуже всего было полное отсутствие у нее интуиции. Это было загадкой, ведь интуиция особенно сильно развивалась у глупых женщин. Горгоной приходил к Ольге, трахнув другую бабу. Горгоной прощался с Ольгой и шел трахать другую бабу. Ольга не выказывала беспокойства.

Однажды Горгоной укатил в Италию с моделью того же агентства. Это была Ирина, Горгоной скоро кинул ее в Тайланде. Ирина была фигуристее Ольги; та, наконец, стала переживать.

Прилетев в Москву, Горгоной увиделся с ней и обрисовал диспозицию. Блюдя каноны жанров, что она исповедовала, моделька ударилась в слезы, залепетала про непобедимую любовь. Горгоной ответствовал, что смертельно устал и не любил ее. Он сказал, что его утомили тошнотворные рассказы, воспевавшие невероятную гармоничность их пары. Ольгуна размазывала косметику по лицу и старалась манипулировать ненаглядным Горгонойчиком.

Горгоной опаздывал на трах с Ириной. Он дал любительнице гармонии слово подумать насчет их будущего. Условием этого Горгоной провозгласил ее немедленное обнажение в кафе. Ольга ломалась минуту и поцокала в туалет. Еще через минуту по-прежнему одетая женщина вышла из туалета, снова заплакав. Горгоной пошел к выходу.

К восторгу некоторых гостей заведения, Ольга бросилась раздеваться. Когда Горгоной обернулся в дверях, на плаксе были лишь трусики и сапожки. Горгоной поднял бровь. Под кудахтанье евшей салат усатой жирной бабы Оля выпрыгнула из трусиков. Раздетая и зареванная, она подбежала к Горгоною. Отчитав эксгибиционистку за то, что даже при беге ее сиськи ввиду маленького размера не колыхались, Горгоной ушел. Стоял декабрь, Олечка не побежала за Горгоном.

– Я с ней редко разговаривал. Да и столько времени минуло. И потом, о моих чувствах к женщине я говорю только с ней. Простите, такова уж странность организма. Вам угодно тут же царапать глаза, или для начала попробуете разбить мне сердце?

– Кофе, будьте добры, – сказала Алёна разносчику напитков.

– Нет, спасибо. Я в отеле позавтракаю, – сказал Горгоной.

– Вы сюда надолго, что ли? – спросила Алёна.

– Вечером собираюсь назад.

Горгоной присмотрелся к Алёне: сестры были непохожи.

– Тогда зачем отель?

– Принять душ и надеть костюм.

– Вы что, не могли надеть костюм в Москве?

Горгоной решил, что секса у Алёны не было пару лет.

– Не люблю путешествовать в костюме.

– Вот я женщина и нормально путешествую в костюме.

– Завидую вашей самоотверженности.

– Я просто поражаюсь, какие мужики пошли изнеженные! Вы бы еще на массаж записались после поезда. Случись сейчас война, мы бы проиграли из-за таких, как вы. Такие, как вы, не стоят мизинца моей сестры. Даже фаланги ее мизинца не стоят!

– Несомненно. Примем за аксиому отсутствие у меня симпатичных черт. Так вам будет проще со мной общаться. Однако согласитесь, насчет фильма я был прав.

– Меня достал закадровый голос.

– Хуже другое. Мы видим афишу фильма, где сыграли Крус и Йоханссон. Нас мучает вопрос. Нет-нет, ясно, что переспят. Однако увидим мы это или нет? Мы этого не видим. Не обидно ли?

– Слушайте, вы этими туалетными шуточками кадрите лучше своих студенток! Они как раз на такое должны вестись.

– Еще как.

– Или они вас уже раскусили, и вы остались без внимания восемнадцатилетних дурочек?

– Я навеки обречен быть любимым восемнадцатилетними дурочками. Развелись в этом году? Или в декабре?

– Как вы узнали?

Лицо Алёны стало недоверчивым и по-детски обиженным.

– Вы часто гладите нижнюю, извините за это слово, фалангу безымянного пальца. Очевидно, прежде вы носили кольцо.

Женщина подняла чересчур густые брови.

– Думаю, ваш бывший муж иностранец. Последние года два вы жили за рубежом. Скорее всего, он кореец. Или китаец. А жили вы не там. Это были Штаты или Канада.

– Канада... Господи, как вы это поняли?

– Этот аромат Moschino вам, безусловно, к лицу. А он мало кому подходит. Однако за ним пробивается спертый флер какого-то шкафа. Этот костюм долго висел без употребления. Он не сезонный. Вы могли бы носить его осенью и даже летом. Значит, вы год или даже больше не работали. Вряд ли намного больше. Замужние женщины толстеют, а на вас хорошо сидит добрачный костюм. Почему же вы не работали? Потому что были замужем. Причем за границей, иначе вы бы работали.

– Но почему за корейцем или китайцем?

– Это еще проще. У вас относительно небольшой рост. Однако вы странно глядите на меня. Поначалу смотрите куда-то в область груди. И только затем поднимаете взгляд на лицо, будто опомнившись. Я, правда, веду себя так же. Однако я глазею на ваш пуш-ап. И я попросту мужчина нормального для европейца роста. Аккурат такого, какой вы успели забыть.

– А почему мой муж не мог быть просто невысоким европейцем?

– У вас, Алёна, отвратительная привычка щурить глаза. Хотя зрение у вас, готов поспорить, нормальное. У меня есть опыт взаимодействия с японистами и аналогичными фриками. Люди, которые постоянно якшаются с узкоглазыми, начинают щуриться.

Как я догадался, что жили не в Азии? Оттуда вы так просто не уехали бы. И у вас, простите, едва заметный акцент. Английский, не какой-нибудь узкоглазый. За рубежом вы говорили преимущественно на английском.

– Но почему не японец, например?

– Японец? Полагаю, у вас есть хоть капля самолюбия. Белая женщина и японец это плохой Шекспир.

Алёна явила присущую большинству женщин неспособность одновременно разговаривать и контролировать свои движения. Кофе пролился на ее блузку.

– Твою мать! – сказала Алёна. – Мне же не во что переодеться!

– Купите новую блузку. Если времени до суда нет, идите туда голой.

– Как вы узнали, что у меня суд?

– Куда же вы едете с таким огромным чемоданом? Конечно, в суд.

Горгоной помог женщине спустить чемодан из вагона. Он махнул рукой человеку с табличкой «А. В. Горгоной».

– Вы юрист, мне Ольга рассказывала. Суд здесь вероятнее, чем переговоры. На которые обычно берут меньше документов. В Нижнем есть пара сносных магазинов, купите блузку. Удачи вам.

Горгоной протянул Алёне руку. Женщина аккуратно ответила на рукопожатие и прищурилась.

– До свидания, – сказала она. – Вы что же, даже номер телефона у меня не возьмете?

– Родным сестрам незачем быть еще и молочными. Успехов.

7 февраля

– Девушка! – сказал Акемгоним.

Кривоногая женщина в развратной даже по столичным меркам юбке обернулась. Ей было лет двадцать. Пуш-ап кричал о третьем размере, но Горгоной диагностировал второй. У женщины были завитые крашенные светлые волосы.

Акемгоним был пятничен: черные массивные очки Gucci, футболка Armani, зауженные джинсы Diesel и новый синий кардиган Hugo Boss.

– Вы очень красивая, – сказал Горгоной.

– Здравствуйте, я не знакомлюсь на улице, – сказала женщина. На ее лице отобразилась усиленная работа мысли.

– Мы в торговом центре, это не улица.

Женщина улыбнулась, показав относительно ровные зубы с налетом.

– Вас как зовут? – спросил Акемгоним.

– Лера.

– Очень редкое имя. У меня тоже редкое: Акемгоним.

Горгоной протянул Лере визитку. Он не был апологетом соблазнения перечнем регалий. С визиткой женщины легче разбирали его имя.

Лера проявила навыки чтения.

– Записываю ваш номер, – сказал Горгоной.

– А-кем-гоним, – сказала Лера, – а дайте вы мне свой номер. Мой парень вам позвонит, и вы спросите, можно ли узнать мой номер.

– Отличный план. Однако и вы дайте мне номер парня. Я спрошу у него, что можно.

Лера продиктовала номер, сказала имя. Горгоной позвонил, и на другом конце молча взяли трубку.

– Привет, это Данила? – спросил Акемгоним.

– Да, – сказал молодой голос на фоне церковного хорового пения. Горгоной показалось, что это запись.

– Меня зовут Акемгоним. Я только что познакомился с Лерой. Хочу спросить у тебя ее номер.

Хор утих, Данила молчал: вычислял цену Леры сообразно оферте Горгоной или просто размышлял.

– А зачем? – спросил Данила. Акемгоним не уловил в его голосе тревоги.

– Хочу сводить ее в кино или поужинать. Ты не против?

– В общем, нет. Записывайте номер.

– Долбанутые люди, – сказал Акемгоним Кириллу, усаживаясь в Mercedes.

Пропуск был заказан на Ваську Хулью. Назвав это имя, Горгоной зашел в «Очко Мефистофеля». В минувшую среду член Акемгонима упал. Перед Валею оставался должок.

На вечеринке уже было человек сто. Здесь топтались надрывавшие жопы в режиме 24/7/365 партнеры столичных юридических фирм. Встречались и руководители практик. Горгоной заметил нескольких своих однокурсников, только метивших в партнеры. Все они завистливо смотрели на Акемгонима.

Обсуждали всякое:

– Конечно, дала, еще бы она не дала! Как только мою новую «бэу» увидела, тут же отсосала мне в тачке...

– Тихо, вон она идет!

– Блин, какие же у нее сиськи...

– И вот приходит эта ее подруга, а сиськи у нее пятого размера! Я просто охренел! Натуральные сиськи пятого размера... А соски просвечивают сквозь лифчик и блузку...

– А твоя чего?

– А моя как раз пошла за сыном в детский сад... Я думал, сдохну от эрекции...

– Я ему и говорю: «Мне по хрен на твой тюнинг, ты мне детский сад не устраивай».

– А в страховую позвонил?

– Да погоди ты со страховой...

– А что страховка?

– А что страховка, мы же катались за пределами разрешенной зоны. Страховая бы ничего не оплатила. Поэтому мы взяли все лыжи и палки и потащили Андрюху в ту зону, где можно было кататься. Но было еще светло, и до фига народу. Инсценировать его падение не получилось. Поэтому мы поперлись ужинать и дожидаться темноты.

– Погоди, а мужик всё это время был со сломанной ногой и без сознания?!

– Мало того, мой дядька не просто никогда не звенит на металлоискателях, у него еще и штырь в ноге после военного госпиталя остался. Он может спокойно пройти рамку в аэропорту, ничего не выкладывая, и она на него не реагирует! У него в карманах ключи, мелочь, еще полно всякой шняги, а он проходит рамку, и хоть бы хны!

– А как у него так получается? Мне даже очки приходится снимать, чтобы рамку в каком-нибудь суде пройти!

– Суд суду рознь. Я тут был в городском суде по моему теперь уже знаменитому бракоразводному делу, так там...

– Слушай, ты ведь занимаешься семейными вопросами? Может, возьмешься за одно дельце? Вроде ничего сложного, но я не спец в этом, да и времени особо нет. Люди не самые бедные, гонорар будет нормальный, думаю. Суть в следующем. Семейка дипломатов. Прожили почти двадцать пять лет, более-менее тихо-мирно...

– Прямо тихо-мирно двадцать пять лет?

– Нет, всякое бывало, конечно... Там жена тетка моей жены, поэтому я всё знаю. Короче, бывало всякое. Она бухала, дипломат ее бил. Он тоже бухал. Нормальная семья, короче. Вырастили детей, шито-крыто. Потом муж совсем забухал, а жена пошла по рукам. Пялили ее только всякие старпёры, конечно. Короче, разводятся. Вся недвижимость записана на дипломата, надо развести их так, чтобы ей тоже что-нибудь упало. Ты же можешь попробовать представлять ее интересы?

– Адвокат противоположной стороны как закричит судье: «Посмотрите, кто представляет интересы оппонентов! Это же Васильев! У него все дела длятся годами, он постоянно затягивает процессы!».

– А ты что?

– Я спокойно так говорю: «Уважаемый суд, да, дела с моим участием длятся годами, потому что я в основном специализируюсь на банкротствах, а они все годами длятся»...

– И у нас секс продлился целый час! Я уже стал опасаться за сердце... Теперь чёрт знает, что с ней делать. Как бы так извернуться, чтобы всё было благополучно и с женой, и с любовницей...

– Рецепт благополучия прост: не женись и не выдавай генеральную доверенность.

– Тебе легко говорить, а моя жена строгого воспитания, она мне до свадьбы только в попу давала...

Акемгоним увидел Нину. Кастальская дружески обняла его. У Горгоноя возникло ощущение прикосновения чего-то резинового.

Отстранив его, Нина помахала кому-то. Обернувшись, Акемгоним увидел Мартынова. Любитель кушать в отхожем месте шел, раздаривая голливудские улыбки и пережевывая жвачку.

– Добрый вечер! – сказал Мартынов и протянул Горгоною руку. Чрезмерно отполированные ногти вынуждали подвергать сомнению здравость интимных устремлений ресторатора.

– О, и Нина идет, – сказал Петрович. Показав на очки Акемгонима, Мартынов добавил:

– Крутые.

Нина тщательно прижалась к ресторатору искусственными грудями.

– Куда пропал твой друг, который присылал мне охапки цветов всю неделю? – спросила она.

– Эдуард? – спросил Мартынов. – Изотов? Да он лучший офтальмолог Норвегии!

Акемгоним знал Изотова. Тот, и правда, был выдающимся глазным доктором. За трахом Эдуард уже лет десять ездил в славянские государства.

– Скорее идите, мадемуазель, – замахал Петрович официантке. Та с равнодушным видом прошла мимо.

– Ускорьтесь, люди! – дав петуха, крикнул Мартынов в сторону бара.

– Я король рестораторов! – сказал он более мужественным голосом.

Одновременно заметив Акемгонима, к нему рванули Лена и Валя. Валя нацепила что-то полосатое. Одеваться Валя не умела. Все ее удачные наряды были случайны. Лена тоже выглядела страхолюдиной. Истерически вздергиваемые брови говорили, что секс у нее по-прежнему отсутствовал.

Валя дошла раньше, схватила Горгоноя и повела к столу. Он чмокнул Лене. Нина уцепилась за руку Мартынова и потащила его следом. Лена дернула набриолиненного Вениамина Скворцова. Он прослыл самым красивым геем местной юридической тусовки.

Вшестером они уселись за стол. К ним присоединились еще семь или восемь человек. Вениамин говорил о фильме «Двенадцать лет рабства».

– Это про негров? – спросил Акемгоним.

– Про афроамериканцев, – сказал Веня.

– Нужно быть толерантнее и добрее, Акемгоним, – сказала Кастальская и посмотрела на Мартынова.

– Вы как хотите, а я за европейские ценности, – сказал тот.

– Безусловно, – сказал Горгоной. – Я добр к расам с иными, чем в Европе, точками преломления умственных наклонностей.

– Что ты имеешь в виду? – спросила Валя.

– Девушка, у вас есть блины с «Нутеллой»? Если нет, всё равно принесите, – сказал Мартынов официантке. Акемгоним усомнился в искренности чувств Нины к Петровичу.

Завязался разговор об умственной идентичности афроамериканцев белым людям. Акемгоним молча вспоминал сиськи Глории, единственной чернокожей проститутки, которую он трахал. Петрович уплетал блины. Насколько Горгоной заметил, одновременно тот пережевывал жвачку.

Закончив есть, Мартынов встал.

– Минутку, – сказал он и, раскачиваясь, направился к туалету.

Акемгоним захотел облегчиться и двинул следом. В дверях уборной он разминулся с неизвестным ему малорослым типом. У того были светлые волосы и невыразительное лицо. Тип зашагал прочь из ресторана.

Внутри уборной Горгоной обнаружил сушившего руки Мартынова. Под ногами у того стоял маленький черный кейс будто из дурных американских фильмов.

– Давно не виделись, – сказал Петрович.

Отлив, Акемгоним вышел из кабинки. Мартынов стоял у раковины и копался в чемодане. Горгоной стал мыть руки, и Петрович, улыбнувшись ему, защелкнул кейс.

Они вышли из туалета. Навстречу шел миниатюрный Александр Крупинштейн, управляющий партнер юридической фирмы имени себя. Раньше он был партнером в Фирме Горгона, затем крестился, украл деньги и сбежал.

«Выкрестам доверять нельзя», – говорил Акемгоним.

Крупинштейна сопровождала жена. Ее тело являлось коктейлем рецептуры «силикон + ботокс». Она была выше мужа на полметра.

– Приятно зреть, когда большой медведь ведет под ручку маленькую сучку, – сказал Мартынов.

– Что это? – спросил Горгоной.

– «Подвиг» Набокова. Наверняка вы читали. У этого романа занятная структура.

Они встретили Сергея Желтовского, бывшего коллегу Акемгонима, зануду и девственника. Руки у него постоянно были мокрые, словно он только что их вымыл. Горгоной уклонился от рукопожатия. Мартынов сделал вид, что не узнал Желтовского.

– Мокрорукий урод, – произнес он тихо.

– Есть небольшой разговор, – сказал Мартынов Акемгониму. – Спустимся, хочу взять кое-что из машины.

На улице Петрович зашагал к черному Audi. Откуда ни возьмись, к Мартынову бросился здоровенный доберман. О таких мразях их подвергнутые фронтальной лоботомии хозяева говорили, что зверушки надежно кастрированы. Мартынов выхватил ствол и дважды пальнул. Тварь замертво рухнула под ноги Акемгониму, брызнув мозгами и кровью.

– В машину, быстро! – сказал Петрович.

– Твою мать! – сказал двухметровый обыватель, подбегая к Мартынову. Обыватель был в тренировочных штанах, пальто и кепке. В руках он держал поводок. Громила произнес еще ряд инновативных выражений не без сексистского оттенка.

Мартынов поднял ствол.

– Назад! – сказал он. – Убью, гнида!

Горгоной уселся в Audi. Мартынов не опускал пушку. Владелец начинки для пирогов из собачатины будто окаменел. Петрович нырнул в машину, завел ее и газанул.

– Я за европейские ценности, – сказал он и включил музыку. Заиграла «Dog Eat Dog» «AC/DC».

9 февраля

– А есть девушки, у которых по-настоящему большая грудь?

– Ну вот Алиса, посмотрите, у нее довольно большая грудь.

Администратор показала на увядшую женщину с обвисшей грудью третьего размера и дряблыми бицепсами. Женщина с готовностью закружилась перед Акемгонимом.

Борис облюбовал черноволосую девицу с фигурой почти как у мальчика. Горгоной не исключал, что это был мальчик с фигурой почти как у девицы.

Он взглянул на сиськи администратора под желтой блузкой и черным лифчиком. Администратор замялась, и Горгоной дал ей пятитысячную банкноту. Женщина продолжала изображать наследницу какой-нибудь европейской монархии. Акемгоним дал ей вторую банкноту и сказал:

– Пять тысяч за каждую.

Озираясь, женщина быстро расстегнула пуговицы и явила Горгоною сиськи номер четыре.

– Почему на измене, вышибала твой бобер, что ли? – спросил Акемгоним.

У администратора были относительно правильные черты физиономии, крутая задница и длинные густые волосы. Ей было лет двадцать шесть.

– Откуда вы знаете?

– Так, интуиция. Он далеко?

– Поехал забрать долг. Вместо него его брат, он смотрит телевизор.

– Пойдем, развлечемся немного. Девочки твои пусть молчат.

Они двинулись по коридору с мерцавшими лампочками. Горгоною казалось, что под ногами разбежались тараканы.

– В какую комнату ты хочешь? – спросила администратор.

– А какая между ними разница?

– Есть обклеенная фотками из Playboy, есть с большим теликом, там можно смотреть порнуху, есть зеркальная...

– Это какая?

– Зеркальная.

– Вот сюда и пошли, без разницы.

Акемгоним толкнул женщину внутрь и, щелкнув хлипкой дверной задвижкой, поцеловал. Администратор попробовала было сопротивляться. Ее губы пахли луком. Горгоной сжал женщину, нежно треснул кулаком между лопаток и проник языком внутрь ее рта.

– Я лишен некоторых предрассудков, – сказал он.

– Я никогда раньше не целовалась с мужчиной, даже не зная его имени...

– Познакомимся: великий князь Сент-Анжело. Друзья имеют право обращаться ко мне «Ваша Светлость».

Акемгоним приглушил свет.

– Вот как? Тогда я Белоснежка.

– Займемся делом, Белоснежка.

Горгоной сел на здоровенную кровать. Простыня была темная, чтобы стирать реже. Акемгоним усадил женщину себе на колени. Он снял ее вонявшую потом блузку и расстегнул лифчик. Грудь Белоснежки не особенно провисала. Форму ее сосков не тронуло грудное вскармливание. Женщина прижалась к лицу Акемгонима вспотевшей грудью, давая ему соски. Белоснежка попыталась опрокинуть его. Горгоной сбросил ее на кровать. Он скинул пиджак и расстегнул на женщине брюки. Администратор стянула их, оставшись в застиранных красных трусах.

Акемгоним быстро разделся. Минут пять они целовалась, щупая: Горгоной – вагину, Белоснежка – член. Затем Акемгоним снял ее трусы, пососал грудь женщины, надел Durex и вошел.

– Какой ты большой, – сказала женщина, и Горгоной задвигался в ней.

Неожиданно для экземпляра с крупными формами Белоснежка оказалась любительницей жесткого траха. Судя по чавкавшим звукам, взмокла она до неприличия. Ее вагина была чрезмерно разработана – из-за отсутствия должного трения Горгоной не мог кончить сверху. Он вышел и поставил женщину раком.

– Ой, – сказала она и протекла.

По-собачьи дело шло лучше. Акемгоним вспомнил стрельбу по доbermanу.

Петрович с давних времен оказывал услуги некоему толстосуму. У того была племянница двадцати лет. Отец хотел выдать ее за парня из какой-нибудь богатой семьи. Девка была не из робких. Она нашла полунищего длинноволосого гитариста и всерьез собралась замуж. Мать переметнулась на сторону дочери, бракосочетание ждали в июне. Отец запил, и дядя принял командование на себя.

Он рассудил, что требовался мерзавец, который успел бы похитить сердце невесты до июня. Мартынов хотел было впрячься сам, но девка презирала его за ресторан.

Между тем, юридический бомонд еще не забыл любовный экзерсис Акемгонима полуторалетней давности. Горгоной тогда мимоходом разорвал помолвку дочери вице-президента крупного зарубежного банка. Она гостила у семьи русского жениха – инвестиционного банкира. Женщина была старше Акемгонима на пару лет. Банкирша случайно ответила на его ленивые домогательства. Влюбилась она безоглядно, позабыла карьеру и жениха, хотела только Горгоноя. Она была не красавица и слишком тощая, зато ухоженная, воспитанная. Им пророчили венец, но Акемгоним счел его терновым. Он не хотел в пажи к гораздо более состоятельной любовнице. Банкирша продержалась три месяца, аккуратно до Вероники. В паре компаний Горгоной стал нерукопожатным. Мама-папы и женихи-любовники узнали, от кого надо было прятать девок.

Горгоной встретился с шекспировски коварным и притом бородатым дядей невесты. Тот назвал цену, Акемгоним удвоил, сошлись посередине. Тридцать процентов Горгоной взял авансом и четверть отстегнул Мартынову за сводничество. Акемгоним оговорил легитимность траха невесты. Также Горгоной обсудил безусловное покровительство дяди в случае нападок иных родственников.

Жутковатые стоны Белоснежки вырвали Акемгонима из задумчивости. Он ускорился, и женщина вскрикнула, чуть повернув к нему голову. Акемгоним заметил, что широко раскрытые глаза женщины были устремлены вперед. Горгоной отвел взгляд.

– Где ты учился трахаться?! – спросила Белоснежка, валясь на постель. – Это лучший секс в моей жизни...

Не успел Акемгоним ответить, как из-за двери громко сказали:

– Шлюха, где ты?! Лявва тупая, ты здесь?!

Акемгоним натянул трусы и джинсы, Белоснежка оделась скорее его. В дверь забарабанили. Надев футболку, Горгоной достал из пиджака ствол Артура.

Задвижка поддавалась, и в комнате очутился накачанный девиант. Он укладывал волосы, как Антон Чигур из фильма «Старикам здесь не место».

– Ах ты мразь! – произнес Чигур. Горгоной не понял, кому именно адресовались эти слова.

Белоснежка заверещала так, что перепонки Акемгонима едва не лопнули. Горгоной уронил пиджак, и женщина схватила его за руку. Он едва не спустил курок.

Чигур рванул к ним. Акемгоним швырнул Белоснежку на кровать и поднял ствол. Вышибала замер на месте, как жена Лота перед смертью.

Выйдя из комнаты, Горгоной позвал:

– Боря! Боря, мать твою!

Чигуру Акемгоним сказал:

– Отдай мне телефон, красавчик. Медленно клади его на пол. Вот так. Теперь подтолкни ко мне. Молодец.

В коридоре появился голый Борис.

– Что происходит? – спросил он.

– Санэпидемстанция, – произнес Горгоной. – Полное заведение тараканов. Быстренько одевайся, и на выход.

В баре они повстречали толстяка, смутно напоминавшего местного Чигура. Он как раз вышел из зала – наверное, досмотрел телевизор. Вид у него был помятый. Увидев ствол Акемгонима, он махнул рукой и пошел назад.

– Как там, ребята? – произнес мужчина с разорванными ноздрями, одетый в шубу. Он стоял у двери в бордель и ел картошку фри. Из запаха шубы выглядывал упитанный полосатый кот. Ему тоже доставалась картошка.

Кирилл включил фары припаркованного рядом с борделем «мерса». Шубу Горгоной оценил примерно в треть миллиона рублей. Мужчина вышел за пределы окружности света фар.

– Скрипки в печку, ресторан закрыт, – ответил Акемгоним.

Через пять минут Кирилл остановился у дома Бориса. Горгоной вышел на улицу с Борей.

– Я пройду, – сказал он Кириллу.

– Я только две палки успел кинуть со своей телочкой, – сказал Боря.

– Прости, старик. Кто ж знал, что они такие бешеные. Катерина же у мамы, закажи шлюху.

В три часа ночи район спал. Идя мимо парка, Акемгоним увидел впереди неподвижную человеческую фигуру. Он перешел на другую сторону улицы. Горгоной ускорил шаг и оставил фигуру позади. Через минуту Акемгоним обернулся: фигура исчезла.

Горгоной остановился и стал разглядывать безлюдный парк. Фонари освещали пустые дорожки. От реки донесся лай собаки. Уловив в парке смутное шевеление, Акемгоним заторопился домой.

14 февраля

В поточную аудиторию набились юридические эмбрионы, их было штук сто. Акемгоним сказал в микрофон:

– Здравствуйте, друзья! Отлично, что вы пришли. Наша встреча посвящена азбуке юридического консалтинга. Оговорюсь: долго работающие в консалтинге навряд ли услышат много тайн сегодня. На то она и азбука. Если кто захочет пройти у меня собеседование, вот адрес электронки: akemgonimgorgonoу@gmail.com. Благословясь, начнем.

Альма-матер. Мы находимся в стенах Университета, который я закончил. Как известно, встречают по одежке. Ваш универ – часть этой одежки. Большие консалтинговые фирмы интересуются студентами нескольких топовых ВУЗов. Остальным ребятам приходится сложнее. Если вы учитесь тут, используйте это на сто процентов.

Первокурсником Акемгоним впервые трахнул женщину благодаря своему отношению к Университету. Это было после студенческой конференции. Горгоной занял первое место, а его доклад вызвал некоторый фурор. На конференции было много студенток из других ВУЗов. На ухаживания Акемгонима ответила чуть полная смешливая брюнетка из какой-то шараги.

Она дала Акемгониму прямо в Главном здании Университета. Для этого пришлось изрядно напоить ее. Горгоной истратил тогда почти все деньги: стипендия была мизерной, а разносом листовок он зарабатывал нерегулярно. Акемгоним не помнил, как звали женщину. Больше Горгоной ее не встречал.

– Бренд. Ведущие юридические фирмы дорожат знаком качества оказываемых ими услуг. Если вам посчастливилось работать там, старайтесь оправдать авансы.

«Это лучший секс в моей жизни», – как-то сказала Горгонойю одна его любовница, абхазка за тридцать пять. Акемгоним трахал ее на втором курсе.

Впервые услышав эту фразу, Горгоной захотел слышать ее постоянно. В те годы он еще не скурвился как любовник. Акемгоним тогда изобретательно подходил к любой дававшей ему женщине.

Молодым он не кидал баб до их фразы про лучший в жизни секс. Альтернативой было признание в любви. Как правило, в обоих случаях женщины лгали. В сексе и любви они разбирались плохо. Мужское желание трахаться они называли похотью, свое – любовью. Лгали они из привычки.

– Время. У этого понятия несколько измерений. Во-первых, трудовой распорядок. В консалтинге работают много. Начало моего рабочего дня – восемь утра. Заканчиваю я часам к девяти вечера. От вас я жду еще большего усердия. Не хочу работать с лентяями.

Во-вторых, это дедлайны. Виды дедлайнов: клиентский и от начальника. Клиентский важно соблюсти при любых обстоятельствах. И я больше хочу увидеть юриста, ставшего зомби, чем пропускающего дедлайн, названный мной.

В-третьих, это таймшит. То есть отчеты юристов про затраченные на работу часы. Почасовка должна выглядеть объективно. Не пишите, что ежедневно круглосуточно ваяли одно и то же заявление. Клиенты порой читают наши отчеты.

Наконец, время это отдых. В том числе, отпуск. Для молодых коллег это неактуально.

Зря смеетесь. В свой первый отпуск я ушел на четвертом году работы. Уйдя, я почувствовал, будто совершил ошибку. Не понимаю, зачем вам отпуск сейчас. Потом отдохнете.

Теперь насчет ежедневного отдыха. Для начинающего юриста это убивающая карьеру роскошь. Съездили домой, вымылись, поспали часа три, и хватит. Остальное время занимайтесь делами. Раз в месяц нужно отдохнуть, поработать из дома. Заодно соскучитесь по коллегам. Как вы поняли, наш девиз: «Умереть молодыми». Но как можно позже.

Три часа молодой Горгоной обычно употреблял на секс. Спал он на выходных.

– Гонорар. Одно значение термина: бабки, которые фирме платит доверитель. Здесь может быть несколько вариантов оплаты. Во-первых, фиксированная сумма за каждый этап или проект целиком. Например, миллион за представительство в суде одной инстанции.

К этому варианту близка абонентская плата. При абонентке юристы ежемесячно имеют фиксированную сумму. При равной сложности дела она меньше того ляма. Иногда дела затягиваются. Тогда юристы могут, сидя на абонентке, получить больше, чем фиксированный лям за инстанцию.

Например, дело рассматривается в инстанции четыре месяца. При мультвом фиксе выходит четверть ляма ежемесячно. Теперь допустим, что за эту работу юристы получают абонентку. Например, двести тысяч в месяц, совсем копейки. Но дело в инстанции тянется полгода. И юристы зарабатывают миллион двести – больше, чем в первом случае.

В-третьих, почасовая оплата. Это лучшее, что с вами может произойти. Если, конечно, ставка достойная. В этом случае нужно особенно аккуратно заполнять таймшит.

Добываясь женских признаний в божественном сексе или любви, молодой Акемгоним узнал одну закономерность. Произнеся эти слова, женщины начинали выпрашивать у мужчин деньги.

Горгоной разводили на шмотки, оплату съемного жилья, детей: у трех-четырех любовниц Акемгонима были хвосты, выползшие из его предшественников. Женщины клянчили на отпуск: совместный и отдельный. Они выпрашивали бабки для удовлетворения автомобильных желаний, как-то ремонт старой и приобретение новой машины. Бросая скромничать, они просили квартиру: начальный взнос или хату целиком.

Всего суммы были от пары тысяч до шестнадцати миллионов рублей. Акемгоним не жадничал, хотя полагал, что деньги следовало отрабатывать. С этим у баб возникали проблемы.

Со временем Горгоной наловчился бросать женщин до любовных признаний. Признания лучшего траха случались – в голове Акемгонима шелкало, и он уматывал.

– Названные варианты оплаты могут предусматривать авансирование. Работать веселее, когда на счет ухнула предоплата.

Кроме того, всё сказанное не исключает success fee, «гонорара успеха». Бывают случаи, когда гонорар включает исключительно success fee. Это рискованно для консультантов. Можно упорно работать, проиграть дело и остаться ни с чем. А можно выиграть и тоже остаться без денег. И долго засуживать клиента, не желающего платить честно отработанный гонорар.

Еще гонорар это ваша зарплата. Поначалу она может быть небольшой. Чем именитее фирма, где вы работаете на первом этапе карьеры, тем скромнее должны быть зарплатные аппетиты. Хватает на еду, и ладно. Главное в начале карьеры это опыт.

Стрелявшая в Акемгонима глазками очкастая брюнетка подняла руку.

– Сколько же просить на первых порах? – спросила она.

Горгоной присмотрелся к очкастой. Ее обугленная кожа намекала, что брюнетка пару раз уснула в солярии.

– В крупных фирмах двадцать тысяч это нормально.

– Но разве выпускник ведущего юридического ВУЗа не стоит больше? – произнес лохматый очкарик с давно не мытой головой.

– Он стоит меньше. Без опыта работы ваша цена – ноль. Эти пятнадцать-двадцать тысяч – милостыня бесполезным людям, которых еще и стараются чему-то научить.

Доверители. Они же клиенты. У них есть проблемы и деньги. У нас есть опыт и знания. Поэтому клиенты нужны юристам, а мы – им. Если вы не будете демонстрировать опыт и знания, клиент уйдет. И вы умрете под забором.

Клиенты бывают разные. В основном это компании и граждане. При обоих раскладах мы имеем дело с людьми. Это менеджмент или внутренние юристы клиента. Последние могут быть

вашими союзниками и наоборот. Многие юристы-инхаусы думают, что руководство наняло каких-то проходимцев с броской вывеской. То есть нас с вами. А другие счастливы поделиться работой.

Некогда Акемгоним имел в любовницах руководителя юридического департамента клиента. Горгона тогда назначили юристом, и он проявлял кое-какую самостоятельность. Впредь он не повторял этой субординационной фривольности, хотя трах был чумовым. Особенно хорошо было в ее машине после удачных судебных заседаний. Секс был жестким, оргазмы – взаимными, а любовных признаний Горгоной так и не услышал.

– Общение с доверителями это важнейшая часть нашей профессии. Прежде всего, доверителя нужно заполучить. Иногда он приходит сам. Но за жирным клиентом мы вынуждены хорошенько побегать. Важно еще и удержать клиента. Чтобы он принес свой новый геморрой именно вам.

Клиент это потребитель наших услуг. Все мы потребляем какие-нибудь услуги. Нас обслуживают в фитнес-залах, салонах красоты, магазинах и так далее. У юристов другая специфика, но концепт тот же.

Я, к примеру, сменил несколько маникюрш. Быть можно дельным человеком, заботясь о красе ногтей, если помните. В одном салоне мне нравилось. Затем маникюрша ушла в декрет. Я тут ни при чём, должен вам заметить. Новая сперва была хороша, однако затем порезала меня. Извиняясь, она заметила, что у меня неглубоко расположены капилляры.

Улавливаете мысль? По лицам вижу, что да. Я хочу прожить свою долбаную жизнь и не знать, где там у меня капилляры. Так и наш клиент. Он хочет юридических услуг. Чтобы мы оформили ему дом в собственность. Написали договор, сопровождали его одобрение и подписание. Выиграли суд. Отобрали детей у жены. От вас не ждут сентенций про капилляры. Треп про капилляры излишен. Запомните: потенциально нет врага большего, чем клиент.

Еда. Не удивляйтесь, пища самое место в азбуке консалтинга. Мало что так сблизает, как вкусный ужин. В этом плане ему и секс уступает. Цените возможность почревоугодничать с нужными людьми. Даже если это пока не менеджеры богатейших корпораций, а ваши офисные товарищи. Заодно сплетни узнаете.

Акемгониму долго не попадалась женщина, которая любила бы трахаться за едой. Разве что Стелла обмазывала его персиками и лизала. Да еще Рената, магистрантка Горгоной, в аналогичной ситуации обжиралась шоколадным кремом. Наконец, минувшим летом Горгоной повстречал Анастасию, и ему довелось жрать роллы, сохраняя эрекцию.

Анастасия была сочная и ретиво текла, однако Горгоной не любил японскую кухню. Когда женщина после третьего за ночь оргазма сказала, что влюбилась, Акемгоним бежал. Целый месяц его тошнило при виде утолявших голод баб. Вероника была удивлена перманентными отказами Горгоной есть с ней.

Аналогичную реакцию вызывала у Горгоной его давнишняя коллега, огромная пожилая башкирка лет тридцати семи. Эта дама имела обыкновение бродить по кабинетам с вопросом «Есть пожрать?». К счастью, она уже не работала в Фирме.

– Буква «Ё». Мы живем в России. Без крепкого словца здесь трудно добиться результата. Этому есть место и в юридическом консалтинге.

После Анастасии Горгоной разок трахнул Софию. Это была высокая черноволосая молдаванка лет двадцати пяти. У Софии были длинные кривые ноги, грудь третьего размера и здоровенная жопа.

Ее донельзя возбуждало сквернословие при интимной близости. Вначале молдаванка просто обзывала Горгоной. София делала это так, что ей позавидовали бы краснолюдские могильщики – величайшие охальники. Было своеобразно и даже весело. Не успел Акемгоним опомниться, как женщина принялась хулить Святого Духа. Горгоной поломал ей скулу и был

таков. Акемгоним всё равно не мог бы трахать ее долго по этическим соображениям. Все его домработницы были молдаванки.

– Жизнь. В ее отсутствии постоянно упрекают карьеристов. А все успешные люди – карьеристы. Говорят, у нас есть только работа. Эти упреки мы чаще всего слышим от неудачников. То есть от большинства людей вокруг.

«Ты очень много работаешь. Ты не проводишь со мной время. Ты меня не любишь», – говорили мне женщины, пока я не уразумел, как их следует выбирать. В ранней молодости я практиковал так называемые серьезные отношения. Я знакомился с мамами девушек. «Акемгоним, ты не видишь ничего, кроме своей работы», – говорили эти почтенные дамы.

Перед Стеллой у Акемгонима была еще одна любовница из золотой молодежи, Диана. Папа Дианы был генерал, а удачно вышедшая замуж мама корчила интеллектуалку, ежедневно надираясь. Однажды Горгоной приехал к Диане. Дома оказалась лишь ее мама, пьяная и неодетая. Диана была плосковата, а у мамы сисек хватало на троих. Отхендожив ее, Акемгоним ушел по-английски и сменил телефонный номер.

Спустя несколько лет Горгоной читал «Предчувствие конца» Джулиана Барнса. Закончив, он выслал маме и дочке по экземпляру.

– Однако это не так. Да, статистически большую часть жизни успешный консалтер работает. Но этим занимается любой успешный человек всякой профессии. Это нормально. Зато мы умные, состоятельные и красивые. Если вы хотите быть такими, не придавайте значения мнению окружающих лузеров. Слушайте меня. Большинство людей созданы, чтобы пить дешевый алкоголь и завидовать нам.

Горгоной оглядел зал и подмигнул, кому успел.

– Заключение. Это один из главных документов, которые пишут юристы-консалтеры. Чем значительнее объем документа, тем, как правило, больше людей его готовят. Из-за этого трудно выдерживать единый стиль оформления. Чем круче фирма, тем жестче она держится единого стиля подготовки бумаг.

Лет пять назад Акемгоним и его коллега готовили заключение. Документ содержал комплексный разбор вопросов банкротства (зона ответственности Горгоной) и недвижимости (Аня). Заключение нужно было сдать в пятницу.

В пятницу Акемгоним упробил клиента дать им еще ночь. Аня поссорилась с женихом, звавшим ее на романтический ужин. У Горгоной тогда была любовница, имя которой он позабыл. У них тоже было запланировано свидание. Чтобы избежать ссоры, Акемгоним бросил любовницу тогда же. Объяснять причину Горгоной не стал.

К девяти часам в офисе стало пусто. Только в кабинете Горгоной сидели он и Аня. Женщина посматривала на Акемгонима, как течная сучка. Горгоной принес ей кофе. Когда часы пробили двенадцать, Акемгоним взял женщину за руку. Документы улетели под стол. Трах длился минут восемь, затем лежавшая животом на столе Аня испытала оргазм перед угасшим экраном компьютера Горгоной. Потом они дописали заключение.

Больше Горгоной и Аня не общались. Лишь однажды глубоким вечером Аня предложила ему кофе. Акемгоним отказался. Год спустя Аня утонула в Бразилии.

– Вы должны проявить хорошие качества стилиста. То есть не визажиста, а человека, который понимает фирменный стиль документов. Сейчас мы устроим небольшой брейк.

Акемгоним вышел из-за трибуны. Его атаковала подслеповатая копченая брюнетка. Она надеялась изрядным пуш-апом убедить Горгоной в адекватности размера своего бюста. Акемгоним заметил, что у нее был первый размер.

– Я хочу писать, – сказал Горгоной брюнетке.

Следующей в очереди была длинноволосая завитая платиновая шалашовка. Она еле стояла на шпильках. На платиновой были обтягивающие черные штаны. Сиськи номер три выпры-

гивали из щедро расстегнутой блузки. Акемгоним кивнул шалашовке. Следуя инстинкту всех крашенных женщин, та поцокала за ним.

– Акн... Антиан... ним Валентинович, – сказала она на подходе к мужскому туалету. – Вам не нужны помощницы? Я хотела бы работать у вас.

Акемгоним сказал:

– Я хотел бы минет. Я кончу, ты проглотишь. Если нет, я подотрешь твоим резюме. И посоветую всему юридическому рынку сделать так же.

Блондинка сглотнула и проследовала в уборную. Горгоной зашел в кабинку, спустил брюки и трусы. Он подвинулся, чтобы шалашовка уместилась, щелкнул задвижкой, расстегнул на женщине блузку. Акемгоним сунул член ей в рот.

– Вот тебе и Антиангин, – сказал он.

Всё еще 14 февраля

– Интернет. В офисах, как правило, скоростной безлимитный Интернет. Не злоупотребляйте этим. На работе лучше используйте его в деловых целях. Начальник может проверить расход интернет-трафика с вашего офисного компьютера.

И забейте на соцсети. Не вылезайте туда с рабочих компов. И с персональных гаджетов в будни. Обычно это бесит руководство. Вы обязаны это учитывать.

Я тоже не люблю соцсети. Люди, которые постоянно сидят там, неудачники. Им надо чаще заниматься сексом.

Прошлой осенью Акемгоним гулял с моделями. Их поставлял ему Гарик, владелец модельного агентства. Летом Горгоной здорово выручил его. В декабре Гарик совершил каминг-аут и ушел от жены. Через неделю он повесился в своей гардеробной. У Гарика были долги на полмиллиарда рублей и СПИД. Моделей распродали поодиночке.

Последней шлюхой этого висельника, которую трахнул Горгоной, была Аллочка, хрупкая чернуля лет двадцати. Аллочка оказалась деревянной, хоть по рекам сплавляйся. Промаявшись час, Акемгоним заставил-таки ее испытать оргазм. Потом Аллочка долго рассуждала, что намеревалась завести страницу в Facebook. Аллочка нервничала: это казалось ей важным публичным шагом. Она училась на филолога.

Горгоной рассудил, что нервничать ей следовало по другим основаниям. С тех пор он в Аллочке не бывал.

– Буква «Й». Это аналог буквы «Ё». Кроме того, многие нужные в работе слова заканчиваются этой буквой.

«Ведь всё, что мы умеем, – это играть в карты, сквернословить и воевать», – вспомнил Акемгоним.

– Коллеги. С этими людьми вы проводите большую часть дня и ночи. Их можно классифицировать по разным основаниям. Например, по должностям. Во-первых, это партнеры. Они бывают долевыми и зарплатными. Зарплатные это калька с английского «salary partners». В России они порой называются младшими или ассоциированными. Это не владельцы юридического бизнеса, а топ-менеджеры с приличными зарплатами. Они не имеют доли в бизнесе юридической фирмы. Но в будущем могут ее занять.

Будьте аккуратны с терминами. Сейчас я обращаюсь к девушкам. Если ваш ухажер гордо именуется партнером юридической фирмы, это, безусловно, круто. Однако проверьте, не является ли эта фирма адвокатским бюро. Обычно про это написано в Интернете. Учтите, все адвокаты бюро именуются партнерами. Такова буква закона. Я рекомендовал бы вам настоящих партнеров юридических фирм. Владельцев бизнеса. Они романтичнее и богаче.

– А вы? – подняла руку высокая худышка с кукольно-красивым личиком и нулевой грудью. – Вы партнер бюро или владелец бизнеса?

– Я владелец бизнеса. Во-вторых, коллеги это руководители практик. Они возглавляют различные направления деятельности фирмы.

В крупных юридических фирмах много практик. Обычно это судебная, банкротная, корпоративная, уголовная, налоговая, трудовая практики. Часто бывает практика семейных дел. Встречается практика недвижимости. Раньше я возглавлял банкротную практику, теперь – судебную.

Я руковожу адвокатами, юристами и помощниками. Юристы бывают старшие и простые. Бывают еще советники. Их называют тупиковой ветвью консалтинга. Это опытные коллеги с большим авторитетом. Однако в партнеры их не берут.

– Сколько человек в вашей практике? – спросила копченая.

– Двенадцать, половина – женщины. Я толерантный человек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.